

ПИТ ХЭМИЛЛ

Снег
в августе

Пит Хэмилл
Снег в августе

«Феникс»

1997

УДК 821.111(73)-311.4
ББК 84(7Сое)

Хэмилл П.

Снег в августе / П. Хэмилл — «Феникс», 1997

ISBN 978-5-222-40703-5

Этой книге суждено стать классикой, и она представляет собой путешествие в мир, полный чудес. Одиннадцатилетний ирландский подросток и пожилой еврейский раввин, бежавший из Праги, встречаются в послевоенном Бруклине. Магия их отношений пронзительна и захватывающе трогательна, несмотря на то, что жизнь и того и другого находится под угрозой.

УДК 821.111(73)-311.4
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-222-40703-5

© Хэмилл П., 1997
© Феникс, 1997

Содержание

1	6
2	10
3	15
4	18
5	23
6	30
7	34
8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Хэмилл Пит

Снег в августе

Copyright © 1997 by Deidre Enterprises, Inc.

© ООО «Феникс», оформление, 2023

* * *

Эта книга – вымысел. Имена, персонажи, места и инциденты являются плодом воображения автора либо используются в вымышленном контексте. Любое сходство с реальными событиями, местами либо людьми, как живыми, так и умершими, является случайным.

*ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ моему брату Джону и ПАМЯТИ
Джозеля Опенгеймера, который услышал крики: «Янкель! Янкель!
Янкель!» на летних трибунах стадиона в 1947 году*

*Вера же означает, что мы уверены в том, на что надеемся, она
означает, что мы верим в то, что некоторые вещи существуют, хотя
мы их и не видим.*

Ер. 11: 1

*Еврей не может прожить без магии.
Пословица (идиш)*

1

Однажды холодным и лучезарным субботним утром в пригородном поселке на южных склонах Бруклина, где сплошь дома, фабрики и трамваи, в полной темноте проснулся мальчик по имени Майкл Делвин.

Ему было одиннадцать лет и три месяца, и до конца 1946 года оставалось меньше недели, а поскольку он спал в своей комнате столько, сколько себя помнил, темнота не была для него чем-то таинственным или пугающим. Ему не нужно было видеть красный деревянный стул, стоявший перед подоконником: он точно знал, что стул находится именно там. Он знал, что его зимняя одежда висит на крюке, приделанном к двери, а все три хорошие рубашки и чистое исподнее аккуратно сложены в двух выдвигаемых ящиках низкого зеленого комода. Он был уверен, что книжка комиксов о Капитане Марвеле, которую он читал, пока не заснул, лежит на полу у узенькой кровати. И он знал, что как только он включит свет, то поднимет книжку и положит ее в общую стопку на верхней полке металлического шкафа у двери, где лежали все остальные комиксы о Капитане Марвеле. Затем он резким движением поднимется, задержав дыхание, чтобы не продрогнуть в ночном белье, схватит одежду и направится туда, где тепло, – на кухню. Именно так он и поступал в каждое темное зимнее утро своей жизни.

Но это утро оказалось иным.

Свет – вот в чем все дело.

В его комнате, что на верхнем этаже многоквартирного дома № 378 по Эллисон-авеню, было одновременно и темно, и светло: в синих тенях посверкивали мельчайшие серебряные блестки. Лежа в кровати, Майкл видел бледное сияние по ту сторону окна за темной шторой и резкие полосы света по бокам от нее. Он лежал под несколькими одеялами, и глаза его наполняли эта яркая темнота. Это божественный свет, подумал он. Свет Фатимы. Или такой, как в раю. Или во всяких магических местах, про которые читал в книжках. И вдруг ему пришло в голову: это что-то вроде света в Пещере семи смертельных врагов человека. Это тайное место из комикса, куда человек без лица в черной одежде взял с собой Билли Бэтсона, чтобы встретиться там с египетским волшебником по имени Шазам. Точно: мальчик-газетчик, должно быть, увидел там примерно такой же свет. Там, внизу, за тоннелем подземки, в длинной каменной пещере, где белобородый волшебник сообщил ему магическое слово, которое вызывало молнию. Ту самую молнию, что превращала мальчика в Капитана Марвела – самого сильного человека в мире.

Майкл знал, что магическое слово было в то же время именем волшебника – Шазам! А в книжке он прочел, что составлено оно из первых букв имен Соломона, Геркулеса, Атласа, Зевса, Ахиллеса и Меркурия. Это античные боги и герои. Ну, кроме Соломона, царя-мудреца библейских времен. Каждый из них символизировал что-то свое: силу, выносливость, власть, храбрость или скорость. Но это не просто имена из книжки с комиксами: Майкл нашел их и в энциклопедии. Капитан Марвел позаимствовал свои способности у каждого. Той ночью в таинственной пещере волшебник по имени Шазам сказал Билли Бэтсону, что именно его выбрали на роль борца с силами зла, поскольку он был чист сердцем. И какими бы злыми ни были его враги, каким бы страшным ни было их оружие, способ побороть их был: надо только выкрикнуть единственное магическое слово: «Шазам!»

Увы, сколько бы ни старался Майкл вместе со своими друзьями, но в его округе магическое слово не срабатывало, и они уже три года кряду спорили о том, почему так происходит. Возможно, все дело в том, что слово должен был сообщить лично волшебник-египтянин. А может быть, они не были достаточно чисты. Или, как сказал его друг Сонни Монтемарано, Капитан Марвел – всего лишь персонаж какого-то сраного комикса. Но Майкл продолжал

настаивать на том, что все это может происходить и в действительности. Кто знает... Может быть, все, что им нужно, – это твердо верить в то, что такое бывает.

В реальность Майкла вернул звук ветра. Вначале это было завывание на низких нотах. Затем высокий визг. Несколько тромбонов, а затем саксофон-сопрано. Оркестр Томми Дорси, потом Сидни Беше. Он знал эти имена и музыку из радиопрограмм. Майклу показалось, что звук исходит от света. Сердце забилось сильнее, и он сел, не понимая, который час, и перепугавшись, что проспал, и спустил ноги на пол. Под ногами оказалась книжка комиксов о Капитане Марвеле.

«Так не хочется идти, – подумал он. Порою роль алтарного служки в храме казалась ему невыносимым бременем. – Я мог бы просто валяться в кровати и слушать завывания ветра. Вместо того чтобы переться в собор Святого Сердца – нести всякую белиберду на языке, на котором никто даже не разговаривает. Вот бы мне сейчас упасть в теплую постель, натянуть на себя одеяла и дрыхнуть».

Но он не нырнул снова в тепло. Он представил себе разочарованное лицо своей матери и сердитый взгляд отца Хини. Хуже того – он почувствовал тревогу за то, что едва не впал в грех лени. Даже Шазам предостерегал от лени, относя ее к числу семи смертельных врагов человека, а ведь он даже не был католиком. Даже само это слово звучало отвратительно, и он вспомнил картинку из энциклопедии с изображением животного ленивца. Пухлый, косматый, гадкий. Он представил себе, как такое животное размером с Кинг-Конга вразвалочку шлепает по городу, источая вонь, лень и звериное дерьмо. Грязный, поганый гигантский ленивец, в него стреляют из пулеметов тридцать восьмого калибра, но пули бесследно исчезают в волосатой массе его тела, и он разевает слюнявую пасть. Господи Иисусе!

Поэтому Майкл даже не стал поднимать черную штору. Он схватил свои брюки, подумав: наверное, антоним к слову «леность» – «самопожертвование». Или «движение». Или слово, которое означает «подними свою задницу, встань и иди». В то время, когда святые отцы, братья и монахи не вдавливали им в головы синонимы-антонимы или таблицу умножения на одиннадцать, они постоянно талдычили о самопожертвовании. Именно поэтому он, застегивая ширинку в темноте, отказал себе в удовольствии отодвинуть штору или хотя бы подвернуть ее, чтобы открылся источник этого лучистого света. Это может и подождать. Он отгонит от себя видение. Он лучше пожертвует своим комфортом, как этого требуют его учителя, ради тех душ, что страдают в чистилище. Будь хорошим. Будь чистым. Потерпи боль и тем самым искупи грехи тех, кто сгорает в адском пламени. В его голове зазвучали холодные приказы наставников по катехизису – так явственно, будто бы он слышал Шазама.

Без рубашки и босиком он поспешил через темную гостиную мимо двери маминой спальни на кухню, выходящую окном на нью-йоркскую гавань. За ночь уголь в печи прогорел и погас, и ступням было холодно на линолеуме. Но его это несколько не тревожило. Вот сейчас-то он не сможет себе в этом отказать. Он поднял кухонную штору, и сердце мальчика екнуло.

Вот откуда шел свет.

Снег.

Он все еще падал на крыши и во дворы Бруклина.

Снег был таким глубоким, плотным и всепокрывающим, что весь мир будто бы утонул в его ослепительной белизне.

От такого вида аж мурашки пошли по коже. Снег шел уже два дня и две ночи – в первый день крупными белыми хлопьями, а затем жесткими мелкими снежинками, которые приносил ветер из гавани. Мальчик никогда не видел ничего подобного. Ни разу. Он помнил шесть из своих одиннадцати зим, но такого снега он припомнить не мог. Такой снег он видел только в кинолентах про Юкон, что крутили в кинотеатре «Венера». Это было похоже на арктические снежные бури в романах Джека Лондона, которые он ходил читать в библиотеку на Гари-

бальди-стрит. Такой снег служил убежищем для волков, накрывал автомобили, расплющивал сараи и не давал проехать трамваям. Этот снег заваливал лавинами входы в золотые шахты и ломал ветви деревьев в Проспект-парке. Снег, принесенный могучей бурей. Вчера вечером по радио сказали, что метель парализовала город. Так и вышло, и наутро снег все еще продолжал падать, стирая этот мир с лица земли.

Он вошел из кухни в узкую ванную, закрыв за собой дверь. Плитка оказалась холоднее, чем линолеум. Его зубы застучали. Он пописал, дернул цепочку слива, умылся в раковине холодной водой, продолжая думать: я выйду туда, встану лицом к буре, чтобы взобраться по буграм, пойду против штормового ветра и дойду до собора, что на холме. Отец Хини, ветеран войны, будет служить восьмичасовую мессу, и я буду там, при нем. Я буду единственным человеческим существом, которое одолеет бурю и придет. Даже старушки в черном, странные старые тетки, которые приходят в собор и в жару, и в ливень, – даже они не смогут прийти в бурю. Скамьи останутся пустыми. Свечи будут дрожать в холоде. Но я буду там.

Сердце забилось еще сильнее, когда перед ним замаячила перспектива большого испытания. Ему было уже не до душ, что в чистилище. Ему хотелось приключений. Как было бы круто, если бы внизу поджидала собачья упряжка. Тогда он мог бы закутаться в шкуры, поднять кожаный хлыст и приказать собакам гнать вперед, покрикивая: «Пошли, парни, пошли!» У него в сумке сыворотка, и, ради всего святого, он должен доставить ее в Ном.

Он расчесал волосы, а когда вышел из ванной, Кейт, его мама, выгребала золу из печи; она была закутана во фланелевый халат, а на ногах коричневые шлепанцы. Из ее рта в холодный воздух выходила струйка пара. На чугунной плите в ожидании тепла стоял чайник.

– Мама, давай я это сделаю, – сказал мальчик. – Это ведь моя работа.

– Нет, нет, ты уже умылся, – сказала она с легким ирландским акцентом и ноткой раздражения в голосе. Уборка золы была одной из обязанностей Майкла, но он пришел в такое возбуждение из-за метели, что забыл это сделать. – Иди одевайся.

– Я уберу, – сказал он, отобрал у нее совок и принялся выгребать золу из поддона. Он ссыпал золу в бумажный мешок, и в воздух поднялся серый пепел, смешиваясь с паром от его дыхания. Затем он забросил на колосники уголь из ведра. От пепельной пыли он чихнул.

– Оденься, Майкл, ради бога, – сказала она, отодвигая его в сторону. – А то замерзнешь тут насмерть.

Вернувшись в свою комнату на другом конце квартиры, он натянул через голову фуфайку, а сверху – темно-зеленую рубашку, которую заправил в брюки. Надев на ботинки галоши, он наконец поднял плотную штору. Напротив окна на решетке пожарной лестницы лежал слой снега не меньше чем в пару футов толщиной. За крутым заносом снег клубился, будто туман, такой плотный, что другую сторону Эллисон-авеню не было видно вовсе. Он заторопился и вернулся на кухню. В печи уже пылал уголь, запах его отдавал тухлыми яйцами. Жаль, что мама не может покупать синий уголь, рекламу которого он видел в «Шэдоу»; тот был тверже – как говорили в школе, «антрацит» – и почти без запаха. Однажды мама сказала ему, что они не могут себе это позволить, и он больше не задавал вопросов на эту тему.

– Если хочешь, можешь остаться дома, Майкл, – сказала она уже несколько раздраженно. – Они ведь знают, что тебе далеко идти.

– Я дойду, – сказал он, расчесывая волосы и решив не напоминать маме о том, что от дома 378 по Эллисон-авеню до собора восемь кварталов ходу. Со двора раздавался такой звук, словно выла сразу тысяча волков.

– И все же, – сказала она, заваривая чай, – это слишком дальний путь для такой бури.

Вслед за нею он взглянул на часы: семь двадцать пять. Время еще есть. Он был уверен, что она взглянула еще и на фотографию его отца, висевшую на стене в рамке. Томас Делвин. Майкла называли в честь маминого отца, давным-давно умершего в далекой Ирландии. Фото его собственного отца висело рядом с портретом президента Рузвельта, вырезанным мамой

из журнала «Дейли ньюс» после того, как президент умер. В голове мелькнула мысль: о чем мама думает, когда смотрит на портрет его отца? Мальчик немного помнил о человеке, которого она называла Томми. Он был большим и темноволосым, с небольшой жесткой бородкой, и он ушел в армию, когда Майклу было шесть лет. Больше он не вернулся. На фото, снятом в студии, он был в военной форме. Кожа на его лице выглядела гладкой. Намного глаже, чем это запомнилось Майклу. Волосы были скрыты под фуражкой, но по бокам были светлее, чем мальчик помнил. Он помнил эти каштановые волосы. И глубокий голос с резким ирландским акцентом. И синий воскресный костюм, и черные ботинки. И песню о зеленых долинах Антрима. И истории про собаку из его ирландского детства, пса по имени Стики, который мог разгонять лодку, опустив в воду хвост, и взлетать выше гор. Мама наверняка помнила о нем больше. Мальчик знал, что его отец погиб в Бельгии прошлой зимой, и подумал: метель напоминает ей о том, что Томми Делвин был найден мертвым в снегу далеко-далеко от Бруклина. Возможно, в этом и есть причина ее раздражения. Это не из-за меня – бездельника. А из-за снега.

– Напрасно ты не поел, – сказала она, отхлебывая чай; Майклу она чаю не предложила, поскольку знала, что до того, как он отслужит мессу, есть и пить мальчик не будет.

– Мне еще причащаться, мам.

– Отслужи и бегом домой. Будет яичница с ветчиной.

Обычно по утрам перед мессой ему очень хотелось и есть, и пить, но возбуждение, испытываемое им из-за бури, взяло верх. Он вытащил драповое пальтишко из шкафчика у двери.

– Шапку-то надень, – сказала она.

– Мам, ну есть же капюшон, в нем тепло, правда. Не волнуйся.

Она сняла с сушилки накрахмаленный стихарь, завернула его в оберточную бумагу и заклеила скотчем. Майкл открыл дверь на лестницу, и мать поцеловала его в щеку. Пройдя половину лестничного пролета, он оглянулся – она смотрела ему вслед, сложив руки, со стены за спиной улыбался ее муж, а рядом с ним висел мертвый президент Соединенных Штатов.

Жаль, что она так печалится, подумал он.

И понесся, прыгая через три ступеньки, по лестнице – на улицу, навстречу буре.

2

Когда мальчик шагнул из подъезда в то, что Джек Лондон называл «белым безмолвием», он почувствовал резь в глазах. В первые секунды после того, как он очутился на улице, снег показался ему даже не белым; здесь, в центре вихря, все вокруг было серым, словно в толще ледяного кристалла. Или в мертвых глазах слепого Пью из «Острова сокровищ». Майкл заморгал – его веки дергались сами собой, а от холода глаза наполнились слезами. Он потер глаза, чтобы сосредоточиться, холодные слезы растеклись по щекам. Он все тер и тер – и наконец прозрел. И единственное, что он увидел, был снег, яростно гонимый ветром.

Он сунул руки в карманы пальто. Перчаток там не оказалось. Черт. Он вспомнил, что оставил их сушиться у керосинового обогревателя в гостиной. Вязаные шерстяные перчатки, правая – с дыркой на указательном пальце. Подумал: поднимусь и возьму. Нет. Это отнимет время. И я опоздаю. Мне нельзя опаздывать. Жаль, что у меня нет часов. Буду держать руки в карманах. Если замерзнут, буду считать, что принес их в жертву.

И он пустился в путь, держа под мышкой обернутый в бумагу стихарь и засунув руки в карманы пальто. В своем квартале на Эллисон-авеню, среди трехэтажных домов, он был хоть как-то защищен от ветра, и мальчик неуклюже пробирался по образовавшимся у стен сугробам, жалея, что у него нет валенок. Пока он прищуривал глаза, чтобы лучше видеть, в голову пришла фраза из Джека Лондона: «Единственная частица живого, передвигающаяся по призрачной пустыне мертвого мира» – и мальчика охватило возбуждение. Все это призрачная пустыня. Все это мертвый мир. А он – единственная частица живого.

Снег полностью завалил стоявшие вдоль улицы авто. Утонул в снегу и газетный киоск перед конфетной лавкой Словацки, в которой впервые на его памяти не горел свет. Витрины всех окрестных лавок тоже были темными, а у входных дверей лежали сугробы. Ни огонька не было и в баре Кейсмента, где портье по имени Альфред обычно намывал полы перед тем, как открыть заведение для посетителей. Никаких признаков трамваев, уличного движения вообще, даже следов пешеходов. Где-то вдали выли волки. Может быть, там, впереди, он встретит Мэйлмюта Кида. Или Ситку Чарли. Разведет костер на замерзшем берегу озера Ле Барж. Там, впереди, были суровые бары Доусона. И перевал Чикут. И утерянный путь в Золотой каньон. Здесь, на Эллисон-авеню, Майкл Делвин ощутил себя таким же, как многие персонажи тех историй, – единственным человеком на Земле.

Однако ему не было страшно. Он был алтарным служкой уже три года, и дорога к собору Святого Сердца была ему знакома не меньше, чем обстановка квартиры, из которой он только что вышел. Воют волки, дует ветер, не видно неба. Но опасности нет, думал он. Здесь мне ничто не угрожает.

Когда он миновал столовую Пита на углу Коллинз-стрит, ветер взял его в оборот. Непростой ветер – яростный, воющий, пытающийся оторвать улицу от гавани, обозленный на землю, выплескивающий свою злобу на ее могучие деревья, гордо стоящие дома и чахлах людишек. Ветер поднял мальчика в воздух, обрушил вниз и завертел, гоня по покрытой ледяной коркой улице. Одной рукой обхватив стихарь, другой Майкл пытался хоть за что-нибудь зацепиться, но вокруг был лишь заледенелый снег.

Он катился, пока не уткнулся в оранжевый столб пожарной сигнализации.

– Святый боже, – сказал он вслух. – Святый боже.

Он втянул в себя воздух вместе со снежными иглами, и нос забился льдом. Если он и поранился, ему было слишком холодно, чтобы понять, какую часть тела он мог повредить. Все еще сжимая стихарь, он проехался на руках и коленках, упершись в конце концов в пожарный ящик с подветренной стороны, – и съезился вниз, где ветер не был таким сильным. Ничего не болит. Все цело. Он исподлобья огляделся и понял, что ветер прогнал его через все шесть

полос Эллисон-авеню. Он увидел тяжелую неоновую вывеску над входом в салун Непобедимого Джо – она болталась на проводе, качаясь и трясясь от ветра, и временами билась о стену здания. Но Коллинз-стрит отсюда не была видна, даже табличка с номером дома, где располагалась стикбольная площадка. Все было белым и диким. Затем он увидел, что его пальто занесло снегом, и вспомнил, что персонажи из юконских преданий всегда замерзали до смерти, если оставались неподвижными либо засыпали. Они укладывались с собаками, хватались за волков – лишь бы согреться. Или вставали и шли. Я должен встать, подумал он. Если не встану, помру к чертям собачьим. Майкл засунул стихарь под пальто и заткнул за ремень. Затем побежал, пригибаясь к земле.

Двигаясь против ветра, он пересек Коллинз-стрит и вцепился в забор фабрики «Юниверсал лайтинг». Здание возвышалось над ним, будто ледяная гора над Клондайком – одна из опасных вершин, на которых люди гибли зимой и тонули весной, их тела смывало в реку Юкон. Черные прутья решетки жгли его руки холодом, и он испугался, что кожа может прилипнуть и оторваться. Но этого не произошло, и он, перебирая руками, хватался за забор и шел, пока не скрылся от нещадно колотившего его ветра.

На Корриган-стрит он сделал все точно так же: опустил голову, пригнулся к земле, упал, опять поднялся, и все снова – пока не добрался до лавок, где не было ветра. Вдалеке, кварталах в трех, он заметил очертания трамвая. Фары горели, но он стоял неподвижно. Высоко над улицей трепыхались провода, по которым к трамваям подавался ток; они были натянуты, словно тетива лука. Майкл задержался под вибрировавшим козырьком кинотеатра «Венера», глядя на афиши фильмов «Четыре пера» и «Ганга Дин». Он просмотрел каждый из них как минимум по три раза и сейчас пытался вызвать в памяти картинки теплой Индии или безбрежные африканские пустыни с кучерявыми фази-вази, атакующими из облаков пыли, и изнывающими от жары британскими солдатами. От этих картинок ему стало лишь холоднее. И впервые за все это время он испугался.

Мне нужно идти, подумал он. Зайти за угол и подняться по Келли-стрит, пройти мимо арсенала, мимо еврейской синагоги, пересечь Мак-Артур-авеню и у парка повернуть направо. Я должен сделать это сейчас же. Пусть мне в спину дует ветер. Я должен идти. Не только потому, что должен служить мессу. Нет. Причина куда серьезнее. Если я поверну обратно и приду домой, я буду паршивым трусом. Никто не увидит, что я повернул вспять и убежал домой. Но я-то буду это знать.

Он повернул за угол на Келли-стрит. Слева виднелись трехэтажные дома, справа – горбатые силуэты запаркованных авто, а вокруг него, под ним и над ним слышался тонкий, рвущий уши визг, дикий бессловесно-волчий клич ветра, который врвался в него, поднимал его вверх и швырял вниз, гнал мимо возвышавшихся над ним сугробов, которые намело над стоящими автомобилями. Визг был настойчивым и беспощадным. «Кто ты такой, Майкл Делвин, – вопрошал этот голос, – чтобы тягаться со мной?»

Он посмотрел вверх и увидел перед собой преграду. Гигантский вяз упал на землю, перегородив двор перед одним из домов. Дерево рухнуло по ветру, смяв изгородь, проломив крышу стоящего возле авто и дотянувшись до противоположной стороны улицы. Ветви его вздымались к небу, словно протестуя. Мертвый ствол заносило снегом. Стекла разбитой машины рассыпались, и снег занес сиденья. Мальчик подумал: если бы это дерево упало не на машину, а на меня, я бы погиб.

Святой боже.

Он протиснулся сквозь рыхлый, по пояс, снег между двумя автомобилями, пересек улицу, перерезанную убитым деревом, и добрался до торца здания арсенала. На убежище не тянет. За окнами в решетках располагался боксерский ринг, дюжины старых джипов и нацгвардейцы, которых в народе называли «воскресными воинами». Но стены возвышались над улицей шестью запретными этажами, и при этом ни одной двери, куда можно было бы

войти. Мальчик заметил, что медные водостоки арсенала оборваны. Высоко над землей сквозь их распоротые швы свисали иглы гигантских сосул, бросивших вызов ветру. Они были толстые и мускулистые, не меньше фута у основания, и острые, как копья, внизу. Майкл Делвин вспомнил фотографии сталактитов из энциклопедии – те были серыми и мертвыми, и сосульки выглядели столь же примитивными, древними и зловещими. И все они целились прямо в него.

Он оторвал взгляд от сосул и поплелся дальше, в который раз пожалев о том, что у него нет наручных часов. «Похоже, что прошло уже несколько часов с тех пор, как я вышел из дома, – подумал он, – а может, и минут. Я действительно не знаю, а буре вообще время неведомо». Он подумал: вот же идиотизм. А что, если церковь окажется закрытой? Что, если отец Хини взглянет на эту бурю и примет решение отслужить мессу в одиночку, не выходя из дома? Что, если электричество отключат и алтарь останется без освещения? А что, если упадет еще одно дерево или сосулька-монстр – и прямо на меня? Без всякого предупреждения. Никто не крикнет: берегись, паренек! Это просто случится, и все. И он останется лежать в сугробе, и рядом ни собаки, ни друга, ни кого-нибудь из лагеря старателей. Маме придется меня похоронить, и она останется в полном одиночестве. Или я стану калекой, обузой для нее и всех остальных. В одном из рассказов Джека Лондона старатель сломал себе ногу в бурю и его лучшему другу пришлось последовать закону тропы – выстрелить ему в голову. Иначе погибли бы оба.

Сторонясь громоздящихся снежных куч, Майкл представил своего отца в снегах Бельгии. Немцы тогда убили много американцев в сражении, которое называли Битвой за выступ. Несколько тысяч. Он видел отца одетым по полной форме, в каске и тяжелых ботинках, с ружьем в руках, а снег несся еще сильнее, чем в эту бурю в Бруклине, и завывал ветер, и где-то в слепящей буре поджидали проклятые немцы: может быть, совсем близко, как Мак-Артур-авеню, как синагога. Невидимые. Скрытые. Готовые убить. Думал ли Томми Делвин о том, чтобы повернуть вспять и убежать домой? Конечно нет. Он не был поганым трусом. А был ли с ним его друг? Или он был один в тот момент, когда его подстрелили и его красная кровь пролилась на белый снег? Онемели ли у него руки и ноги, прежде чем он был убит? Плакал ли он? Слышал ли волчий вой? Думал ли о маме? О квартире под крышей дома на Эллисон-авеню? А о синем костюме? А думал ли он обо мне?

И вдруг Майкл Делвин услышал голос.

Человеческий голос.

Это был вовсе не ветер, а первый настоящий голос, который он услышал после того, как покинул дом.

Он остановился и принялся вглядываться в пустынный мир вокруг.

А затем сквозь косую снежную пелену он увидел человека, который выглядывал из двери синагоги на Келли-стрит. Человека с бородой. В черной одежде. Прямо как тот, кто окликнул Билли Бэтсона из темного вестибюля подземки. Человек размахивал руками, делая знаки Майклу.

– Привет, привет! – кричал бородатый мужчина, будто бы он находился намного дальше, чем через улицу. – Привет... – Будто совсем издалека, из другой страны.

Майкл оставался на месте. Мужчина все подзывал его к себе.

– Привет, пожалуйста, – умолял человек. – Не могли бы вы подойти...

Голос звучал как-то по-стариковски, смягченный падающим снегом. Голос прямой и указующий, будто заклинание. Майкл все еще стоял на месте. Это была синагога, таинственное здание, в котором евреи поклонялись своему богу. Майкл проходил мимо сотни раз, но, кроме как субботним утром, двери почти всегда оставались закрытыми. В каком-то смысле это здание не принадлежало округе – в том смысле, в котором ее частью был собор Святого Сердца, и кинотеатр «Венера», и бар Кейсmenta. Синагога возвышалась своими тремя этажами над ули-

цей Келли, но Майклу всегда казалось, что на этот угол она однажды упала посреди ночи, прилетев издалека.

Но это было еще не все. Для Майкла синагога всегда была чем-то откровенно пугающим, будто бы за ее закрытыми дверями совершаются тайные ритуалы, а может быть, и страшные преступления. И, наконец, на Элисон-авеню каждый мог подтвердить, что евреи убили Христа. А если они оказались способны убить сына Божьего, то что же они могут сотворить с обыкновенным ребенком посреди бруклинской метели? Майкл на секунду представил себе, как бородатый мужчина связывает ему руки и запихивает в печь или замуровывает в стену, как того парня в «Бочонке Амонтильядо». Он представил себе заголовок в «Дейли ньюс» – МАЛЬЧИК ПРОПАЛ ВО ВРЕМЯ БУРИ. И двинулся было дальше.

Бородатый человек снова позвал его:

– Пожалуйста.

Майкл остановился. В том, как человек произнес простое слово «пожалуйста», ему послышалась какая-то особенная нота. Это был звук страдания. Будто бы вся его жизнь зависела от того, что сделает Майкл. В этом слове была и боль. И печаль. Может быть, бородатый мужчина был просто бородатым мужчиной, взывающим о помощи. И вовсе не агентом дьявола. Словно они вдвоем оказались посреди бездорожья Арктики – две частицы живого в призрачной пустыне мертвого мира.

Если я уйду, подумал Майкл, то по одной лишь причине – из-за трусости. Мэйлмют Кид не ушел бы. И Билли Бэтсон тоже. Черт, а ведь если бы Билли Бэтсон убежал от человека в черном костюме, он никогда не превратился бы в Капитана Марвела. И мой отец Томми Делвин не убежал бы. Даже от тысячи проклятых нацистов. И уж точно – от человека, который просил о помощи таким тоном.

Мальчик перешел через улицу, с трудом удерживаясь в равновесии, увидел сквозь вихри стену синагоги и с усилием направился к боковому входу. Он разглядел лицо бородатого человека. Под тяжелой черной шляпой обнаружились голубые глаза, скрытые за толстыми линзами очков в роговой оправе. Нос его был небольшим, отчего большой казалась борода, куда больше, чем на самом деле; она выглядела так, будто вырезана из куска дерева. Борода была темной, в ней попадались ржаво-рыжие и седые волоски, но мальчик так и не понял, сколько человеку лет. Тот стоял в дверном проеме в наброшенном на плечи темном твидовом пальто. Вся остальная его одежда была черной.

– Пожалуйста, – сказал он. – Я есть рабби. Пожалуйста, нужен помощь. Вы можете дать мне помощь?

Напрягаясь от страха, Майкл сделал к нему шаг. Внезапно ветер стих, словно переводя дыхание. Мальчик посмотрел на бородатого мужчину, заметил его грязные ногти и мятые обшлага твидового пальто – и снова подумал о том, не кроются ли за всем этим мрачные тайны синагоги.

– Видите ли, рабби, я...

– Один минут это занимать, – сказал рабби.

Майкл пытался подобрать слова, дрожа от страха, любопытства и холода.

– Я алтарный служка в соборе Святого Сердца, – сказал он. – В католическом, понимаете? И я опаздываю на восьмичасовую мессу, и...

– Даже не один минут, – сказал рабби. – *Битте*. – Он запахнул пальто. – Пожалуйста.

Майкл бросил взгляд на неосвещенную прихожую за его спиной. Стены были обшиты деревянными панелями высотой футов в пять, увенчанными узким карнизом. Остальная часть стен была выкрашена краской кремового цвета. Больше ничего он разглядеть не смог. Мальчик подумал: а что, если он окажется Свенгали, бородатым типом из кино, который умел гипнотизировать людей? Или Феджином из «Оливера Твиста», заставлявшим детей воровать и приносить ему краденое? Нет, его голос был не таким, как у тех мерзавцев. Ветер вновь разбуше-

вался, будто бы настаивая на чем-то. Между прочим, подумал мальчик, я всегда могу столкнуться его с лестницы. Или сбить с него очки. Пинком распахнуть дверь. Или коленкой под яйца. Одно лишь неверное движение – и рраз! Представляя эту расправу, он наконец уговорил себя побороть страх.

– Ладно, – вдруг сказал Майкл. – Но давайте по-быстрому. Чего вы от меня хотите?

Бородатый человек широко распахнул дверь, и Майкл ступил внутрь, внезапно почувствовав тепло, поскольку ветер остался позади. Вниз вели три ступени. Мальчик нерешительно стоял на верхней.

– Немножко света – это хорошо, да? – сказал рабби, показывая рукой вокруг.

– Ну, наверное.

– Там, – сказал рабби. – Видите?

Майкл спустился на ступеньку ниже и всмотрелся сквозь полумрак в стену справа. В панель был врезан выключатель. Рабби сделал нервный жест рукой, будто бы включая свет. Но до выключателя он не дотронулся.

– Это нужно включить? – спросил Майкл.

Рабби кивнул:

– Да, ведь... это... темно или нет?

К Майклу вдруг вернулась осторожность.

– А почему бы вам не включить свет самому?

– Это... нельзя, – ответил бородатый человек, будто бы подыскивая подходящее слово. – Сегодня *Шаббат*, понимаете, и – ну, это ведь просто, нет? Всего лишь...

Он махал рукой в воздухе, чтобы показать, как просто это сделать. Майкл сделал вдох, шагнул вниз и щелкнул выключателем. Зажегся плафон на потолке. Они были в небольшой прихожей, в дальнем конце которой три ступеньки вели вверх – к следующей двери. Кремовая краска потолка была вся в трещинах и осыпалась. Мальчик медленно вдохнул. Никакой бомбы не взорвалось. Не опустился железный занавес, чтобы сделать его узником. Внизу не открылся люк, через который он упал бы в темницу. Выключатель оказался просто выключателем. Рабби улыбнулся, обнажив желтые неровные зубы: судя по виду, он был доволен. Майкл чуть расслабился и согрелся.

– Спасибо вам, спасибо, – сказал рабби. – *Аданк*¹. Очень хороший мальчик вы есть. *Дубист зейер гут харцик*²... Очень хорошо.

Затем он показал на карниз, что над деревянными панелями.

– Это вам, – сказал он. – Пожалуйста, взять. Для вас.

Там лежала, тускло поблескивая в свете плафона, монета в пять центов.

– Нет, это было нетрудно, не нужно...

– Пожалуйста.

Майкл вновь забеспокоился, заторопился, ведь ему предстояло пройти сквозь метель еще четыре квартала. Он взял монету и сунул ее в карман пальто.

– До свидания, – сказал мужчина. – И спасибо вас.

– Пожалуйста, рабби.

Мальчик открыл дверь и ринулся в бурю, почувствовав себя выше, сильнее и храбрее.

¹ Спасибо (*идши*).

² Ты очень добрый (*идши*).

3

Отец Хини выглядел так, будто он сам предпочел бы сегодня остаться в постели. Венчик нечесаных седых волос в сочетании с кустистыми черными бровями и небритыми щеками наводил на мысли о рассеянности и небрежности. Лишь его глаза выдавали человека, послужной список которого тянул на героя – по крайней мере, по мнению Майкла и кое-кого еще из алтарных служек. Глаза были заплывшими больше обычного, отчего Майкл представил его в роли командира японской подводной лодки, который шпионит на УСС. Это не было полным абсурдом: он слышал от других священников, что отец Хини был армейским капелланом в Северной Африке, Сицилии и Анцио; он воевал и в Германии под командованием генерала Паттона. В Битве за выступ он не участвовал, однако, когда Майкл спросил его об этом, он сказав, стиснув зубы, что знал кое-кого, кто там погиб. Ни в своих проповедях, ни по утрам в ризнице отец Хини не говорил о войне. Но Майкл был уверен: война нависала над ним, словно черная туча. В конце концов, еще и двух лет не прошло с того момента, как он в последний раз соборовал умирающих солдат.

Вообще-то темы, от которых отец Хини воздерживался, не сводились к одной лишь войне. Он молчал почти обо всем. По утрам перед мессой он редко что-либо говорил мальчикам-служкам, но в это утро он оказался особенно молчаливым. Когда Майкл, запыхавшись, появился в 8:10, он лишь закричал. Кричал он и в ответ на извинения за опоздание. Затем с тем же звуком он головой показал мальчику, что настало время выйти в алтарь.

Клирик предпочитал читать мессу очень быстро, будто диктор на ипподроме, и другие алтарные мальчики пошучивали, что он торопится вернуться к своей бутылке. Майкл никогда не видел, чтобы он пил, и даже запаха виски от него не улавливал. И в это арктическое утро святой отец остался верен своему стремительному и нетерпеливому стилю. Он галопом вычитал мессу в пустой холодной церкви, в то время как Майкл тщетно пытался перейти на шаг. Обычно алтарных служек было двое, но напарник Майкла не пришел из-за метели, и Майкл читал все реплики на латыни в одиночку. В один из моментов отец Хини оборвал Майкла середине предложения, в другой – пропустил целый кусок латинского текста. Словно слова древнего ритуала оказались избыточными по сравнению с тем, что он хотел сказать. Майкл таскал по всему алтарю тяжелый миссал в кожаном переплете. Делал все положенные ему манипуляции с вином и чашей. Пока священник бормотал перед табернаклем с установленной над ним гипсовой статуей истекающего кровью Христа, Майкл пытался молиться за своего отца, покоящегося в бельгийской могиле, и за души, что в чистилище, и за голодающих Европы и Японии. Но его грудь распирало лишь намерение, и молитвы так и не превратились в слова. Помешал отец Хини, все силы бросивший на то, чтобы прийти к финишу. Клирик осенил крестом огромное темное пространство собора – и не стал читать проповедь. А где-то там, наверху, содрогался и трещал под напором ветра шпиль римско-католического собора Святого Сердца Иисуса.

После мессы Майкл вспомнил страдальческий тон бородатого человека – то, как звучало у него «пожалуйста». И решил, что рабби был в отчаянии. Ему нужен был Майкл, чтобы включить свет; иначе бы он страдал весь остаток дня. В его голосе была неприкрытая боль. И эта боль не имела отношения к выключателю. Это была какая-то другая боль. Его личная. Его, рабби, еврея.

И тут он услышал: «Domine non sum dingus»...³

А затем шепот отца Хини: «Внимательнее, мальчик мой. У нас двое посетителей».

³ Господи, я не достоин (*лат.*).

В тот момент, когда святой отец должен был преподать Святые Дары, у ограды алтаря неожиданно возникли две старушечьи фигуры в черном, по отдельности появившиеся из громадной, скрипящей от ветра темноты. Майкл быстро поднял золотое блюдо-патену и пошел вслед за отцом Хини к ограде и коленопреклоненным женщинам, удивляясь: как они сюда добрались? Неужели осилили пургу, которая сбивала меня с ног? Может, их кто-нибудь подвез? Или живут рядом. Бормоча латинские слова и держа левой рукой золотую чашу-дароносицу, отец Хини положил по кусочку причастного хлеба на каждый из высунутых языков, а Майкл подставлял патену под подбородки причащающихся. Это было необходимо, чтобы ни единый кусочек хлеба, превращенного в тело Христово при освящении Даров, не упал на отполированный до блеска пол.

Глаза первой женщины были большими и будто бы стеклянными, напоминающими глаза зомби из кино. Другая закрыла глаза, словно не желая беспардонно пялиться на священную белую вафельку. У второй на подбородке была бородавка, из которой, словно из картофельного глазка, проросли седые волосы. Хлеб они употребили одинаково: каждая сомкнула губы, но не челюсти, чтобы образовать во рту некое подобие пещеры. Ведь действительно, жевать причастный хлеб – это все равно что жевать Иисуса. Кланяясь в знак уважения и благодарности, обе встали и вернулись на темные скамьи, чтобы провести в молитвах время, пока хлеб размокнет и его можно будет проглотить.

Затем Майкл преклонил колени на алтаре, и отец Хини положил и ему на язык кусочек причастного хлеба. Майкл не стал закрывать глаза, лишь прищурился. Он видел толстые пальцы клирика, желтые от сигарет. И вспомнил грязные ногти рабби. И подумал: может быть, водопроводные трубы в синагоге замерзли и полопались, как водостоки на арсенале, и он сидит без воды. А может, ему нельзя мыть руки. По той же причине, по которой нельзя включать свет. Однако помощь ближнему значит в катехизисе как проявление милосердия, не правда ли? Даже если он, рабби, еврей. Все равно это должно засчитываться. Ты ведь должен помочь нуждающемуся. Нищему. Больному. Он ведь выглядел нищим, не так ли? И ему нужен был кто-то, чтобы включить свет. По какой-то таинственной причине. Запрещено, мол... Загадка произошедшего в синагоге стала занимать его еще больше после того, как он проглотил размякший хлеб. Рабби не был Свенгали. Не был он и Феджином. Но он был странным и таинственным, как герой какой-то книжки, бородатый хранитель секретов. И Майкл подумал: я хочу знать, что это за секреты.

Наконец месса была окончена. Отец Хини побормотал: «*Ite, missa est*»⁴, и Майкл ответил ему: «*Deo gratias*»⁵, и клирик шагнул с алтаря, а Майкл последовал за ним. В ризнице, где стоял мраморный столик и керамическая раковина, отец Хини начал снимать свои облачения: казулу и пояс, амис и альбу. Подо всем этим у него оказался бежевый свитер-водолазка и черные брюки. Его черные ботинки были в пятнах от высохшей соли. Он вздохнул, достал из кармана брюк пачку «Кэмел» и чиркнул деревянной спичкой о подошву ботинка. Глубоко затянулся. В воздухе запахло табачным дымом.

– Спасибо, молодой человек, – сказал он, задвигая глазами под оплывшими веками. – А кстати, как ты умудрился добраться сюда утром?

– Пешком, святой отец.

Святой отец глубоко затянулся и выпустил идеально ровное колечко дыма.

– Да ну, пешком? Сколько кварталов?

– Восемь.

– Неудивительно, что опоздал, – сказал падре, подняв брови. – Помолись за души, что в чистилище.

⁴ Изыдите, месса окончена (*лат.*).

⁵ Возблагодарим Господа (*лат.*).

– Уже, святой отец. Уже помолился.

– Надеюсь, ты включил в список и меня, – сказал клирик без тени улыбки. А затем схватил свою армейскую шинель и вышел наружу, чтобы пересечь заснеженный двор и оказаться дома.

А Майкл сделал еще не все, что должен был. Поскольку месса была последней в этот день, он вернулся в алтарь и затушил обе свечи штуковиной на длинной ручке, которую служки называли «святой гасильник». Старухи уже ушли. Похоже, что они вознеслись в темноту, как восковой дым от свечей, которые он затушил медным колпачком гасильника. Глядя в темноту, он представил себе стропила, полные дымных старух с волосами, растущими из подбородков. Их там сотни. Тысячи. Их шепот – итальянский, польский и латынь, и всё о покойных мужьях и умерших детях. Будто состарившиеся ангелы, которым не позволено умереть. Он ощущал их запах – запах свечей.

Майкл быстро сошел с алтаря, преклонил колена и вернулся в пустую ризницу. Он снял через голову стихарь, повесил подризник в шкаф и переоделся в уличную одежду. Прежде чем уйти, он выключил свет в алтаре и убедился, что лампы не горят. А затем сверху, из темноты, он услышал стон ветра. И через стон прорывался голос: «Пожалуйста, – слышалось ему. – Пожалуйста, нужен помощь».

4

В тот день в белом завывающем мире, пока мама отрабатывала свою смену медсестрой в больнице Уэслиан, Майкл Делвин пребывал в одиночестве в гостиной, валяясь на линолеуме у керосинового обогревателя. Под голову он подложил сложенную вдвое подушку. Рядом лежала стопка комиксов о Капитане Марвеле. После своего возвращения с мессы, долгожданной яичницы с ветчиной и мамино ухода на работу он занялся поиском выпуска, где рассказывалась история первой встречи Билли Бэтсона с Шазамом. Точнее, он нашел эту историю в пересказе: у него было драгоценного первого номера журнала «Уиз комикс», выпущенного давным-давно, когда война еще только началась. В этом пересказе, сделанном для спецвыпуска книжки о Капитане Марвеле, человек в черном костюме присутствовал, но он натянул на лицо шляпу для маскировки. И ничем, кроме черных одежд, не напоминал ни рабби с Келли-стрит, ни волшебника Шазама. Волшебник был намного старше, с белой, а не черной бородой, и одет он был в длинный развевающийся плащ. Рабби был моложе, более плотно сложен, а голубые глаза и роговые очки делали его похожим скорее на школьного учителя с Дикого Запада, чем на египетского волшебника. На кого-то, кто учил грамоте Авраама Линкольна.

Через некоторое время Майкл отложил в сторону Капитана Марвела и принялся читать книжку комиксов под названием «Преступление будет наказано» – об ужасном убийце Элвине Карпесе, его кровавой истории и еще более кровавом конце. Этот комикс заставил Майкла испытывать совершенно иные чувства, чем от Капитана Марвела. У Капитана Марвела кругом были заклинания, сумасшедшие ученые и говорящие тигры, пули отскакивали от груди, а герой, одетый в плащ с золотой каймой, мог летать по воздуху. Комикс о преступнике был полон настоящих гангстеров в реальных городах. Никаких плащей. Никаких волшебных слов. Просто грабежи, стрельба и убитые люди. Пули не отскакивали от груди, а пролетали ее насквозь, и никто не летал по воздуху над небоскребами. Эти комиксы были о мужчинах, которые когда-то были хорошими мальчиками из таких мест, как Бруклин, но кончили они плохо. Как люди из Корпорации убийств, Лепке как-его-там и Гурра. Красавчик Флloyd. Диллинджер. Они умирали, попав в засаду. Они умирали на выходе из кинотеатра. Они умирали даже в снегу, как Томми Делвин погиб в Бельгии, но они не были героями. Они умирали даже не за свою страну. Умирали за деньги. Или за женщин.

Еще не добравшись до конца повествования об Элвине Карпесе, Майкл обнаружил, что ветер прекратился. Он вслушался, опасаясь, что буря может преподнести неприятный сюрприз, но затем услышал стук лопат, которыми счищают снег с тротуаров, и понял, что все закончилось. Он так хотел поделиться новостью с мамой, но она несла вахту в больнице. Поэтому он оделся, схватил сухие перчатки и метнулся по лестнице вниз, чтобы найти кого-нибудь из друзей.

Сонни Монтемарано был уже там, пробуя снег своими большими руками в варежках. Его смуглое лицо сияло, глаза светились.

– Ты когда-нибудь видел такое? – спросил он.

– Никогда, – ответил Майкл. – На арсенале сосульки, похожие на космические ракеты.

– А мы не могли открыть дверь, – сказал Сонни. – Примерзла. Пришлось выпрыгнуть из гребаного окна.

– А меня утром ветром через улицу перебросило, – сказал Майкл. – Типа – я проклятое перышко.

– Никогда не видел ничего подобного. Вот же гребаная буря.

Сонни постоянно матерился. Майклу нравилось его слушать, но сам он с опаской относился к запретным словам, боясь, что это может войти в привычку и однажды он выругается при маме. Потому он и говорил: «проклятое». Но никто из них не говорил самого плохого

слова из всех: мудила. Как-то раз прошлым летом Сонни попробовал сказать это слово, однако Непобедимый Джо, владелец салуна на углу, его услышал, схватил Сонни за ворот рубашки и сказал: «Не смей говорить это гребаное слово, понял? Только ниггеры могут говорить это гребаное слово».

Потом появился Джимми Кабински в большой вязаной шерстяной шапке, натянутой на лоб. Он был «пи-элом», перемещенным лицом, и в школе Святого Сердца к нему относились с восхищением, поскольку мальчик смог выучить английский за три месяца. Особенно восхищался им Сонни Монтемарано: его бабушка приехала из Сицилии сорок один год назад и до сих пор ничего не могла сказать, кроме «Сонни, бегом обедать» и «Сонни, заткнись».

– А в Польше такой снег бывает? – спросил Сонни.

– Да в Польше снег до третьего этажа бывает, – сказал Джимми. Они решили пойти по Коллинз-стрит.

– Хорош трюндеть, – сказал Сонни Монтемарано. – До третьего этажа? Если бы у вас было столько снега, все поляки бы померли.

– Да клянусь, – сказал Джимми Кабински. – Мне дядя рассказывал.

– О, – сказал Сонни, закатывая глаза за спиной Джимми, чтобы это видел Майкл. – Твой дядя. Тогда совсем другое дело.

Дядя Джимми был старьевщиком. Он зарабатывал на жизнь, подбирая старые газеты, лопнувшие велосипедные колеса и неисправные радиоприемники, а затем складывал все это в тележку и перевозил в какой-то склад у воды. В последний год войны ребята нещадно над ним стебались. Во-первых, у него были длиннющие руки, покатые плечи, а туловище всегда наклонено вперед, даже в те моменты, когда он не тащился за тележкой по окрестным холмам. Во-вторых, у него не было ни жены, ни детей, и он не посещал бары, чтобы пообщаться с кем-нибудь. И, наконец, он был уродлив – или так было принято считать: глаза глубоко сидели под нависшим лбом, широкий нос картошкой постоянно полыхал гневом, уши напоминали пару пепельниц, плюс еще и желтые зубы. Ребята между собой называли его Франкенштейном, кроме как при Джимми. Когда Джимми поселился у него, поскольку всем «пи-элам» был необходим спонсор, старьевщик стал Дядей Франкенштейном. Никто не дразнил его, когда Джимми был где-то рядом, – из уважения к Джимми, родители которого погибли в войну.

– Как думаешь, сколько намело на Эббетс-филд? – спросил Джимми.

– По верхнюю трибуну, – сказал Сонни, подмигнув Майклу. – Моя бабушка по радио слышала.

– По верхнюю? – переспросил Джимми. – Да ладно тебе, это же с шестиэтажный дом получается!

– Побольше, чем в гребаной Польше! – выдал Сонни, сталкивая Джимми в сугроб. – Так там еще и ветер дует, все сносит на левое поле. Богом клянусь!

Вскоре они уже бесились в снегу, падая лицом в его белизну, кидаясь снежками друг в друга и в прохожих. Дети выходили из подъездов с салазками, направляясь к Проспект-парку. Трамвай медленно пробирался по Эллисон-авеню. Откуда ни возьмись прибыли несколько автомашин с цепями, натянутыми поверх шин. Непобедимый Джо, громадный и мощный, в меховой шапке и тяжелой военной шинели, пришел взглянуть на свой салун и уставился на вывеску, упавшую на тротуар. Он покачал головой и пнул ее ногой. Затем открыл дверь и вошел внутрь. Спустя минуту он появился на улице с двумя лопатами. И крикнул через улицу:

– Эй, бездельники, балбесы ленивые, подзаработать хотите?

Предложение было принято: двое машут лопатами, а тот, кто свободен, греет руки. Майкл разгреб снег вокруг упавшей вывески – она была два фута в высоту, три в ширину и фут в глубину. Неоновые буквы разбились, на жестяных боковинах – вмятины, стальные тросы оборваны, и все это из-за чертова ветра. Затем он начал прокладывать дорожку для пешехо-

дов, сталкивая легкий снег поближе к водостоку. Но под мелким снегом, наметенным в финале бури, оказался слой слежавшегося, со льдом. И этот снег никак не поддавался.

– Давай попробую, – сказал Сонни. Он взял у Майкла лопату, вонзил ее под снежную корку, встал ботинком на верхнюю кромку совка и надавил. Снег подался. – Видишь? Нужно снизу.

– Я доделаю, Сонни, – предложил Майкл.

– Не отдам, самому нравится, – засмеялся тот. – Помоги Джимми.

Когда работа была сделана, Непобедимый Джо снова вылез наружу.

– Вас, балбесов, уже можно в дворники нанимать, – сказал он. Вытащил из кармана доллар и выдал его Сонни. – Валите-ка по бабам.

Он развернулся и еще раз пнул вывеску.

В конфетной лавке Словацки оказалось полно народу, и они прошли мимо, направившись в другой квартал, к мистеру Джи. Его магазин был поменьше и потемнее; Сонни купил плитку шоколада «Кларк», Джимми приобрел пакетик арахиса, а Майкл – коробочку «Гуд энд Пленти». Мистер Джи сидел на кассе и читал «Нью-Йорк пост». Он был маленьким коренастым старичком, почти совсем лысым, печальные глаза смотрели из-под очков без оправы. На Эллисон-авеню его считали чудачком: говорили, что он болеет за «Джайнтс», а дети его посещают колледж. Это было действительно странно: в окружении Майкла болели только за «Доджерс» и уж точно никто не учился в колледже. Станным было и то, что мистер Джи читает «Пост», в то время как вся округа черпала мудрость в «Джорнел америкен». И то, что он со своей женой жил в маленькой квартирке с задней стороны лавки. Поговаривали, что она «ездит на работу», из чего следовало, что она трудилась в каком-то офисе – то есть вставала рано утром и направлялась к станции подземки в костюме или платье. Из этого также следовало, что они могли себе позволить и обычную квартиру, но все денег не хватало, чтобы перебраться в нее из подсобок конфетной лавки.

Мистер Джи молча пробил чек на тяжелом позолоченном аппарате, стоявшем на полке позади прилавка. Он дал Сонни сдачу с доллара, одновременно переворачивая газетную страницу с отсутствующим видом. Ничего странного в молчании мистера Джи не было: говорить-то не о чем. Дети постоянно приходили в лавку и уходили, покупая конфетки по одному центу из ящичков на кассе или по пять центов – с трехэтажной полки. Но сюда бегали не только дети. Взрослые приходили, чтобы воспользоваться телефоном-автоматом. Или покупали газеты. А в красивых ящичках справа от прилавка мистер Джи выставил на выбор сигареты и десятицентовые сигары.

– Вот бы снегу еще нападало, – размечтался Сонни. – Например, целый месяц бы шел. Вот бы мы разбогатели.

Пока он делил между всеми сдачу, в лавку вошел Фрэнки Маккарти.

Сонни спешно ссыпал мелочь в карман и принялся изучать комиксы, выставленные на стойке у стены. «Призрак». «Бэтман». «Джунгли». Майкл вдруг занервничал. Фрэнки Маккарти был одним из парней постарше, ему было не меньше семнадцати, и он был вожаком банды, называвшей себя «Соколы». Майкл его боялся. Темно-рыжие волосы Фрэнки были влажными от снега, на лице веснушки, глаза водянистые, с очень короткими ресницами. Губы он держал сомкнутыми – скрывал выбитый передний зуб. Прошлым летом Майкл видел, как он избил пьяного на тротуаре перед заведением Непобедимого Джо, молотил его кулаками, пока лицо не превратилось в кровавое месиво. Сцена была ужасной, но Фрэнки Маккарти, похоже, это было по нраву. И его парням-«соколам». Они радостно приветствовали Фрэнки, когда тот наконец оторвался от лежавшего на земле старика – будто бы это Джо Луис победил в поединке. И ему это нравилось. Именно это и пугало Майкла.

– А что у тебя в кармане, пацаненок? – сказал он Сонни.

– Ничего, Фрэнки.

– Врешь, пацаненок, – сказал он, повернувшись к Майклу. – Ну врет ведь, да? Я же видел, как вы чистили тротуар у Джо. И видел, как Джо положил что-то этому итальяшке в руку. – Он усмехнулся. – И это навело меня на мысль.

Майкл отвернулся, чтобы не видеть водянистых глаз. Мистер Джи оторвался от своей газеты, глядя на них поверх очков.

– Я вот что думаю, – сказал Фрэнки Маккарти. – Думаю, что ты должен купить мне бутылку содовой. И заодно пачку «Лаки». Ты ведь хороший мальчик, щедрый, и ты должен быть счастлив сделать это для своего соседа, тем более в такие холода.

Мистер Джи прочистил глотку.

– Эй, ну-ка отстань от ребенка, – сказал он рассудительным тоном.

– Что? – гаркнул Фрэнки Маккарти. – Ты че сказал?

– Я сказал, оставь ребенка в покое. – Мистер Джи уже был раздражен. – Парень надрылся с лопатой, оставь ему его деньги.

– Не твое гребаное дело, чувак.

– Это моя лавка, – сказал мистер Джи. – И мне не нравится, что тут кто-то кого-то грабит.

– Ах ты урод жидовский, – сказал Фрэнки Маккарти, оставив в покое Сонни и направившись к кассе. – Хочешь, чтобы я тебе тут все разнес?

Майкл отошел подальше – в заднюю часть лавки, поближе к телефону-автомату. Он подумал: сейчас произойдет что-то плохое. Жаль, что я не смогу это остановить. Жаль, что мне не хватит силы и роста. Жаль, что я не могу вступить за мистера Джи, схватить Фрэнки Маккарти за загривок и вышвырнуть в проклятый снег. Жаль.

Джимми Кабински был уже у двери, и Сонни кивнул Майклу, приглашая его последовать за ними на улицу. Майкл попытался прошмыгнуть за спиной Фрэнки Маккарти.

– Стоять, пацаненок, – сказал тот Майклу, раздувая ноздри. – Я тебе покажу, как нужно обращаться с жидовскими уродами вроде этого.

Мистер Джи опустил кулак на кассу: «Как ты смеешь так меня называть, ты... ирландский сукин сын!»

Фрэнки Маккарти взорвался. Одной рукой он смахнул со стеклянного прилавка этажерку со свечами. Размахнувшись, другой рукой сбросил на пол ящики с сигарами. И принялся топтать сигары, оскалившись и обнаружив свой выбитый зуб. Он выдрал из стены и завалил на бок стеллаж с комиксами, разметав по полу «Синий болт», «Шину» и «Капитана Марвела». Он пинал книжки, поднимая их в воздух. Майкл силился что-то сказать, но не мог.

Затем Фрэнки увидел, что мистер Джи потянулся к телефону, прыжком настиг его, схватил телефон и грохнул аппарат о прилавок, разбив стекло. Но этим дело не ограничилось. Фрэнки повернулся к мистеру Джи и принялся дубасить его телефоном. Очки повисли на ухе. Из носа текла кровь, а в промежутках между ударами на лице мистера Джи появлялась гримаса боли. Сонни и Джимми распахнули дверь и рванули на улицу. Дверь за ними хлопнула, Майкл не шевельнулся.

– Вот как нужно обращаться с жидовскими уродами вроде этого, – сказал Фрэнки Маккарти, улыбаясь плотно сжатыми губами.

А затем его глаза вновь расширились в каком-то безумии, и он принялся пинать лежавшего на полу человека, прыгать на нем, а тот лишь всхлипывал в тщетном протесте, при этом Фрэнки орал: «Ты пидар, жидовский пидар! Ты мудака!» Затем Фрэнки сорвал с полки затейливый кассовый аппарат, крикнув, поднял его над головой – и обрушил на мистера Джи. Ящик с деньгами со звоном открылся, и монеты покатались по деревянному полу.

Фрэнки тихо подобрал несколько банкнот и монет, а затем повернулся к Майклу:

– Ну, ты ведь ничего не видел, слышь, пацан?

Майкл молчал.

– Ну так как?

Майкл замотал головой в знак отрицания. Фрэнки Маккарти улыбнулся и потянулся к пачке «Лаки страйк». Взял сигареты и направился к двери.

– А я ведь к этому жидовскому уроду просто за сигаретами зашел, чесслово.

Он вышел, оставив дверь открытой. Майкл какое-то время не мог шевельнуться, сердце его бешено билось. Он хотел бы, чтобы Сонни и Джимми вернулись и помогли ему решить, что делать дальше. Они не вернулись. Майкл медленно обошел прилавок и увидел, что мистер Джи плачет, лежа лицом к стене, а руки его в крови. Рядом, среди раскиданных страниц «Нью-Йорк пост», на боку валялась касса. Глаза мистера Джи были закрыты. Мальчик тронул его за локоть.

– Мистер Джи, мне так жаль, – сказал он. – Я могу вам помочь? Может быть...

Мистер Джи застонал, но не произнес ни слова. Майкл отошел от него. Затем достал из кармана пятицентовик, который дал ему рабби, направился к телефону-автомату и набрал номер скорой.

5

Этим вечером, пока мама разливала томатный соус в две миски со спагетти, Майкл Делвин пытался объяснить ей, что произошло в лавке мистера Джи. Речь его лилась. Он рассказывал в лицах, опуская неприличные слова, как Сонни и Джимми убежали и как Фрэнки Маккарти разнес лавку и пытался уничтожить мистера Джи. Она кисло улыбнулась, когда он рассказал, как вызвал скорую, однако улыбка пропала с ее лица, когда выяснилось, что он просто выбежал из магазина, – она испугалась, что полиция может подумать, будто он имеет отношение к тому, что произошло с мистером Джи. Тогда он сказал, что убежали как раз Джимми и Сонни, а он стоял у подъезда дома № 378 по Эллисон-авеню и видел, как скорая пробиравалась меж глыб замерзшего снега, а за нею первая из трех полицейских машин. Все они остановились достаточно далеко от входа в лавку мистера Джи, поскольку вокруг громоздились кучи снега. Наружу высыпали посетители бара Кейсента, и Майкл присоединился к ним. Они курили и говорили о том, что от подобных дерьмовых выходов страдает вся округа, и Майкл почувствовал себя в безопасности. Эти люди не позволят Фрэнки Маккарти причинить ему вред.

Затем он увидел, как с Гарибальди-стрит по заснеженному тротуару к дому подошла жена мистера Джи – маленькая толстая женщина в пальто и сапожках держала в руке полную сумку еды; в квартале от дома она остановилась и, прищурившись, взглянула на карету скорой; он видел, как она заторопилась, пошла быстрее по слежавшемуся снегу, поскользываясь и вздрагивая. Когда мистера Джи вынесли на носилках, и санитары, изловчившись, пытались пронести его через сугробы, Майкл услышал ее крик и увидел, что она побежала, выронив сумку с продуктами, и по снегу разлетелись жестянки с супом «Кэмпбел», коробка пшеничных хлопьев и два рулона туалетной бумаги.

Он рассказал маме обо всем этом, она взяла его за плечи и прижала к своему теплому телу, затем сняла с полки небольшой стаканчик и налила себе своего любимого сладкого вина – темно-пурпурного вина под названием «Моген Дэвид».

– Святой боже, – сказала она. – Бедная женщина. Бедный муж.

Майкл не рассказал ей о своем замешательстве.

Дело в том, что на улице и в школьном дворе ему приходилось слышать истории о том, что евреи – это жадные и подлые христубийцы. Но когда бедного мистера Джи, еврея, столь жестоко избивали, никакого восторга он не почувствовал. Если бы евреи были плохими людьми, Фрэнки Маккарти считали бы героем. Но в лавке сладостей один лишь мистер Джи в открытую выступил, чтобы защитить Сонни. И в ответ Фрэнки повел себя жестоко и порочно, как гангстер, а Сонни сбежал. Именно это и вызвало у Майкла ощущение болезненной путаницы. Он не мог выразить и собственный страх, позорную трусость, которая не позволила ему помочь старику. Он не мог смириться с одним отвратительным фактом: пока Фрэнки Маккарти избивал мистера Джи, Майкл ничего не сказал и не сделал. Сонни убежал, – думал он, – а я просто застыл на месте. И когда все закончилось, мистер Джи лежал на полу, истекая кровью, а Фрэнки приказал мне забыть все увиденное, я лишь кивнул головой.

– Дрянной он тип, этот Маккарти, – сказала мама Майклу. – Он из неблагополучной семьи и закончит свою жизнь в канаве.

– Похоже, что он чокнутый, мам.

– Вполне может быть, – сказала она. – Держись от него подальше.

– Но зачем он это сделал? – спросил мальчик. – Зачем было так жестоко избивать мистера Джи?

– Дурные люди совершают дурные поступки, – сказала она, наматывая на вилку спагетти и помогая себе большой ложкой.

– Может, потому что мистер Джи – еврей?

– Надеюсь, не из-за этого. – Она сделала паузу. – Но из того, что ты рассказал, похоже, что отчасти поэтому.

Она рассказала сыну о Гитлере: тот ненавидел евреев настолько, что убивал их миллионами. Нацисты были бешеными ненавистниками евреев, сказала она, и прежде чем с ними справились, погибли миллионы и других людей. Не только евреев.

– А почему они ненавидели евреев? – спросил Майкл.

– Ох, Майкл, по большей части дело тут в обычной зависти, если уж на то пошло, – сказала она, сделав глоток вина. – Есть много небылиц о том, кто убил Иисуса, и всяком таком, но те идиоты (у нее это прозвучало насмешливо: идьеты), кто об этом брешет, даже в церковь-то не ходят. И Гитлер в церковь не ходил. И Фрэнки Маккарти, я уверена. – Она помолчала, тщательно подбирая слова. – Прежде всего евреи – народ образованный. Наверное, поэтому многие невежды к ним придираются. Дети их всегда помогают по дому. Ходят в колледж. Многие, приехав сюда, не знали ни слова по-английски, а стали врачами и адвокатами. Жаль, что наши так не умеют.

– Я слышал, трое сыновей мистера Джи учатся в колледже, – сказал Майкл. – Они ему летом в лавке помогают.

– Вот-вот, – сказала она. – И ты не услышишь, что кто-нибудь из детей Маккарти посещает колледж. Они все никчемные. – Она посмотрела на сына. – Пожалуйста, ради бога, не стань таким, как они.

Они доели спагетти. Мама допила вино, встала, собрала тарелки и положила их в раковину. Она наскоро организовала чай с молоком и сахаром и достала печенье «Соушел ти», напевая незнакомый ему ирландский мотив. Майкл подумал: ей, наверное, полегчало, что они закончили разговор о евреях и о том, что произошло с мистером Джи, и он не стал возвращаться к теме – несмотря на то, что до сих пор прокручивал в голове фрагменты сцены в лавке сладостей. Когда она спросила Майкла, о чем еще, кроме метели, он разговаривал с мальчишками, он также испытал облегчение. Слишком запутанной и пугающей была эта тема. Он сказал, что «Доджерс» собираются взять в команду Джеки Робинсона из низшей лиги – кстати, цветного. И вся улица считает, что в высшую лигу того никогда не пустят.

– Говорят, что цветные игроки не так хороши, как белые, – сказал мальчик. – Они вроде как недостаточно усердны.

Мама мало что знала о бейсболе и глянула на фотографию рядового Томми Делвина, словно жалея о том, что он не может поговорить сейчас с Майклом.

– Ну, они не дали бы ему шанс, – сказала она, – если бы он не проявил усердия. – Она отхлебнула чай и пресекла попытку сына макнуть печенье в чашку. – Уверяю тебя: когда они подписывали с ним контракт, он точно не слонялся без дела.

Посуду они вымыли вместе. Мама выглядела очень усталой. Майкл вытирал тарелки и стаканы, она ставила их в шкафчик; затем она медленно направилась в гостиную. Уже несколько недель кряду она читала толстую книгу писателя по имени Арчибалд Кронин. Когда Майкл закончил с посудой, он также вышел в гостиную. Она сидела в большом сером кресле, рядом с которым стоял торшер, и полностью ушла в чтение. От керосиновой горелки воздух в комнате был жарким и спертым. Оконные стекла запотели. Майкл рисовал на них рожицы пальцами и глядел на заснеженные улицы, жалея о том, что мать уже не рассказывает ему ирландские сказки, как в раннем детстве.

Сказки эти были даже интереснее, чем комиксы и книги в библиотеке на Гарибальди-стрит. Волшебные сказки о Финне Маккуле, великом ирландском воине, который однажды в разгар кровопролитной битвы нагнул, поднял своей могучей рукой гору и обрушил ее на вражеские ряды. Финн был настолько большим и сильным, а глыба настолько огромной, что, когда она упала в Ирландское море, она стала островом, который теперь всем известен как остров Мэн. А Ушин, его сын, последовал за женщиной с золотыми волосами в Страну

вечной молодости, где он жил, не старясь, три столетия, пока не заела тоска по родной Ирландии. Ему было сказано, что путь домой знает его белый конь, но если он хоть раз спешится, то уже не вернется никогда. А тот бросился на подмогу гибнущим беднякам, которых придавило каменной плитой, упал с коня и превратился в сухонького слепого старца. Совсем как в фильме «Потерянный горизонт», который Майкл смотрел в «Венере», – герои попали в долину под названием Шангри-Ла и обрели вечную молодость, но уйти оттуда означало стать стариком.

Она могла бы рассказать ему предание о Балоре, у которого был дурной глаз, да такой огромный, что открыть его могли только восемь человек; когда этот глаз был открыт, он парализовал любого вражеского воина, который осмелится взглянуть на него. Вот если бы Балор оказался в лавке мистера Джи, он-то уж точно парализовал бы этого проклятого Фрэнки Маккарти. А Финн Маккул смог бы вышвырнуть его в Нью-Джерси. Когда Майклу было лет пять-шесть и он учился читать, мама рассказала ему, что в древней Ирландии были громадные горшки, в которых никогда не заканчивалась еда, серебряные деревья с золотыми яблоками, искрящимися на солнце; рассказала она и о магических заклинаниях, от которых человек мог проспать сорок лет кряду, о волшебных мечах, которые сами находили горло врага, и о том, как друиды превращали ливень в огонь, а женщин – в мышей, а мышей – в солдат. Была там и волшебная заводь, обнаруженная в одном из озер, – в нее окунали мертвых воинов, и они выходили оттуда живыми, только разговаривать уже не могли. Она могла рассказать, как раньше, и предание о великом Кухулине, у которого в каждом глазу было по семь зрачков⁶ и по семь пальцев на руках и ногах, а одним глазом мог видеть то, что происходит позади него, не крадется ли там к нему враг. Могла рассказать об огромном быке из Кули, который легко катал на спине сразу пятьдесят мальчишек. И все это – в Ирландии, откуда она когда-то приплыла по туманным морям.

Но Кейт Делвин очень устала, она сняла обувь, ступни ее опухли и горели. Он силился вспомнить, при ней ли отец рассказывал истории о волшебной собаке Стики. Нет. Мы были в парке. Это было летом. На скамейке. Тем временем мама клюнула носом и пришла в себя. Она посмотрела на него и улыбнулась.

– И долго я спала? – спросила она.

– Может, секунд десять, – ответил он.

Она покачала головой.

– Что-то меня начало уносить, – сказала она. – Чудилось, будто я в Ирландии.

Она снова уткнулась в книгу.

– Мам?

– Да, сынок.

– А истории про Ирландию... – сказал он. – Ну, эти, про Финна Маккула, Кухулина, Балора и прочих. Это все правда?

– Конечно.

– Ты серьезно?

Она приснула со смеху.

– Ну, когда мне их рассказывал мой папа, упокой Господь его душу, он сказал мне, что все это чистая правда.

– Так куда же все они делись – Финн, Ушин и остальные?

– Я задавала этот вопрос, – сказала она. – И мой папа ответил, что они никуда не делись, они остались, спрятались и стали невидимыми, но, как только Ирландии понадобится, они тут же вернутся.

– А почему не пришли, когда на нас напали англичане?

⁶ Неточность: семь на оба глаза, три в одном плюс четыре в другом (*прим. перев.*).

– Может быть, им не хотелось пачкать руки, – сказала она и засмеялась.

Вид у мамы был сейчас почти счастливый, поэтому Майкл спокойно ушел в свою комнату. Там он глазел из окна на заснеженную пожарную лестницу, думая о том, каково сейчас мистеру Джи в больничной палате, и чем в этот момент занят Фрэнки Маккарти, и знает ли рабби с Келли-стрит, что произошло в лавке сладостей на Эллисон-авеню. Он представил себе, как Кухулин с красными глазами, огненной бородой и заткнутым за пояс мечом шириной с дверной проем едет на могучем боевом коне по Эллисон-авеню, чтобы отыскать Фрэнки Маккарти и наказать его.

Потом он сел на пол, прислонившись спиной к кровати, и подумал о Капитане Марвеле, о комиксах, разбросанных по полу в лавке сладостей мистера Джи, и о том, почему он не смог произнести магические слова против сил зла, чтобы защитить реального человека. Он начал читать «Преступление будет наказано», задаваясь вопросом: а не появится ли однажды в этой серии сюжет о Фрэнки Маккарти? Написанный Чарльзом Биро. Нарисованный Норманом Маурером. История будет начинаться в Бруклине, и они покажут, как он избивает ногами лежащего пьяницу у заведения Непобедимого Джо, бьет наотмашь мистера Джи телефонным аппаратом, кругом кровь, он обзывает старика «уродом жидовским», стоит над поверженной жертвой, готовый обрушить на него тяжеленную кассу. Затем Фрэнки вырастет в рэкетира, у него будут огромные тачки и шикарные шмотки, и в нью-йоркских ночных клубах его будут окружать лучшие телки. А потом он зарвется – копы его выследят и схватят, и рыдать ему в ожидании расплаты.

Вот так-то!

Вот только выражения «урод жидовский» в комиксах не бывает.

Даже слова «еврей».

Думая обо всем этом, он валялся у себя в комнате на полу среди книжек, пока не увидел сквозь окно, что снег снова начал падать, на этот раз спокойно. И вспомнил рабби, который в то утро сквозь снег и ветер звал его на помощь. Теперь он не мог поверить в то, что его так напугала необходимость войти в темную прихожую синагоги и включить треклятый свет.

Вдруг Майкл поднялся на ноги. Тихо ступая, он вошел в гостиную. Мама спала в кресле с книгой на коленях, зажав палец между страниц в том месте, где перестала читать.

Он прошел к книжному шкафу, где стояли синие тома «Волшебной страны знаний». Эту энциклопедию мама купила благодаря вырезанным из газеты купонам – она отправляла их в адрес редакции, приложив по пять центов за каждый том. Он вытащил том с маркировкой Jes-Min, где на обложке нарисованы строительные рабочие: один сваривает стальные балки, другой несет булыжники в корзине на спине, а вдали виднеются пирамиды. Статью о евреях он нашел на странице 2080.

Гонения, невзгоды и войны преследовали евреев всю долгую историю этого народа. Евреи – семитский народ, корни которого прослеживаются вплоть до вавилонской и древнеегипетской цивилизаций. 16 миллионов евреев, живущих в современном мире, сохранили идентичность, как ни одна другая группа людей, однако их вклад в этот мир выходит далеко за национальные рамки. Величайшее, что дали евреи человечеству, относится к религии. Будучи первым из народов, уверовавшим в единого Бога, евреи заложили основы христианства и других религий, основанных на этом принципе...

Вот это да: сначала были евреи, и лишь потом – католики! Пока он читал текст, его взбодраженный взор метался по черно-белому рисунку – между статуей Моисея, величественного,

сурового и мускулистого, как Тарзан, и изображением красавицы по имени Юдифь. Подпись под репродукцией картины гласила, что Юдифь проникла в город Бетулию в сопровождении одной лишь служанки, убила ассирийского генерала и захватила город. На картинке ее голову венчала повязка, длинные черные волосы заплетены в косички, на руках браслеты с драгоценными камнями, на шее бусы, в ушах серьги. Она шла с гордым видом, размахивая руками. Позади слева на коне ехал бородатый воин. Он находился чуть сзади, потому что Юдифь была его боссом, командиром. Справа – женщина с оголенными плечами в полосатой одежде, на голову повязан платок, в руках сумка. Должно быть, служанка, подумал Майкл, что-то типа прислуги, надо же кому-то наводить блеск на все эти браслеты, бусы и сережки. Дальше были еще кони, куча парней с копьями, а вдалеке виднелись очертания обнесенного стеной города. Бетулии.

Все это было похоже на сцену из кинофильма.

Майкл будто бы смотрел эту картину в цвете в кинотеатре «Венера». Хеди Ламарр проникает в город. Они со служанкой прохаживаются туда-сюда, генерал ее замечает, смотрит на нее так, как смотрят только в кинофильмах, и приказывает служанке подождать снаружи. Генерал приводит ее в свою комнату. Начинает ей что-то рассказывать, предлагает вина, а как только он поднимает бокал, чтобы выпить, и отводит от нее взгляд, Хеди Ламарр перерезает его чертову глотку!

Сцена из фильма улетучилась. Майкл читал дальше – о том, как Бог дал Моисею десять заповедей, установив тем самым законы, по которым мы должны были жить; большинство из заповедей совпадало с теми, что он заучивал из Балтиморского катехизиса. В них ничего не говорилось о выключателях. И во всем, что он успел прочесть, не было ничего даже близкого к тому, что ему приходилось слышать на улице. Никаких упоминаний о том, что евреи убили Иисуса. Ни слова о жадных, подлых и злопамятных евреях. Может быть, те, кто писал энциклопедию, решили что-то скрыть?

В синей книге говорилось о том, что евреи, бывшие тогда кочевниками, приняли законы о здоровье и чистоте. И они дали миру Библию и первый алфавит. Алфавит, ни фиги себе! Да еще и музыку!

Музыка евреев дожила до наших дней, она имеет особую ценность. Это уникальная музыка – мелодии полны пафоса и меланхолии, однако при этом красивы и нежны.

Майкл понял, что никогда не слышал еврейской музыки. Он знал музыку католичества, например *Tantum Ergo* и «Помолись, дорогая матушка, обо мне». Он знал наизусть слова на английском и латыни. Ему начал нравиться и джаз, который передавали по радио, и он жалел, что ни на чем не умеет играть. Ни на рояле. Ни на трубе. Но еврейская музыка... на что она хоть похожа-то? Он снова прочел эту фразу – мелодии полны пафоса и меланхолии, однако при этом красивы и нежны – и решил, что это должно быть что-то наподобие блюзов.

Он взглянул на улицу, чтобы посмотреть, падает ли еще снег, увидел размытую красную неоновую вывеску бара Кейсмента и вновь почувствовал, что на него накатило мрачное настроение. А что, если в энциклопедии вранье? Может быть, это какая-то ужасная уловка. Может быть, эту статью для книги написал еврей. Или заплатил кому-то, чтобы евреев выставили в выгодном свете. Чтобы одурачить христиан, обмануть их бдительность. На Эллисон-авеню именно это и скажут. Да, так ему и скажут, если он принесет эту синюю книгу в бар напротив и спросит, что парни думают обо всем этом.

Нет, не может быть. Это все-таки энциклопедия; если в ней обнаружится вранье, кто-нибудь напишет в газету, или мэру, или кому-нибудь из больших шишек, и те расскажут всем о вопиющей неправде. Если это неправда. Он молчалив, но, черт, Гари Купер тоже не любитель поболтать. Отец Хини расскажет Майклу, где правда. Мальчик избирательно подходил

к тому, что слышал на улице. Конечно, взрослые знали почти обо всем больше, чем он. Но он также знал, что им часто приходится говорить всякую чушь. Например, пока не умер президент Рузвельт, про него несли много чуши. Теперь вот про Джеки Робинсона говорят чушь. Возможно, и то, что они говорят про евреев, – тоже чушь.

Он отвернулся от падающего снега и продолжил чтение статьи, в глазах мелькали детали, слова «Талмуд» и «Тора», а шкала дат уходила аж в 722-й год до нашей эры, повествуя о том, чего только ни делали с евреями, и о том, что, невзирая на все это, они выжили и живут. Он искал каких-нибудь подробностей о Юдифи, но о ней больше ничего не было. Когда он добрался почти до конца статьи, глаза его расширились.

В наши дни дискриминация и меры подавления в отношении евреев все еще применяются в ряде европейских стран. В Германии диктатура Адольфа Гитлера лишила евреев политических и гражданских прав, которыми они пользовались ранее. В Польше, где репрессии практиковались на протяжении многих лет, проживает свыше 3 000 000 евреев...

Гитлер был уже мертв, так что это, наверное, было написано до войны. Он разглядел надпись мелким шрифтом на первой странице книги. Год выпуска... 1938, так это почти что девять лет назад было. Получается, что уже тогда, давным-давно, еще до войны – в 1938 году, когда Майклу было три года, люди знали, чем занимается Гитлер. И что он собирается сделать. Мама была права: Гитлер ненавидел евреев и убивал их миллионами. Но если люди об этом знали наперед, почему никто его не остановил? Почему нужно было дожидаться момента, когда будет уже поздно? Нет, не так: почему не появилась какая-нибудь Юдифь и не перерезала его чертову глотку?

В Соединенных Штатах евреев больше, чем в любой другой стране мира; они съехались сюда благодаря религиозной и политической свободе из всех стран мира, где на них были гонения, – говорилось в синей книге. – В сорока восьми штатах и территориях их численность составляет 4 229 000 человек, из которых почти 2 000 000 приходится на Нью-Йорк.

Майкл вдруг понял, что он почти ничего не знает о евреях. Ну, виделся он с мистером Джи и домовладельцем мистером Кернесом, которому было под семьдесят, и он каждый месяц приходил собирать с жильцов арендную плату. Теперь к ним прибавился рабби с Келли-стрит, но на самом деле он их не знал. Встречал, но не знал. Не знал даже полного имени. Почти все остальные в округе были ирландцами, итальянцами или поляками; кое-кто называл остальных «мики», «макаронники» или «пшеки». На самом деле все они были американцами. Но они выделяли себя из общей массы по признаку того, откуда сюда прибыли их родители или деды. Майкл был ирландцем. Как и его мама. А Джимми Кабински – поляком. Вне зависимости от того, откуда эти люди сюда перебрались, почти все они были католиками. Было, правда, и несколько протестантов, они посещали общественную школу и протестантскую церковь на Уайт-стрит, а на улице мальчишки играли вместе со всеми. Все они были просто американцами; их родители никогда не заводили речь о старой родине и вели себя так, будто живут в Бруклине еще со времен, когда по Проспект-парку кочевали индейцы.

А вот еврейских детей в округе не было. У мистера Джи их было трое, но они были словно призрак. В округе они не светились вовсе: они не играли на улице летом, они были лишь размытыми лицами из задних комнат лавки сладостей. Майкл никогда не видел, чтобы из синагоги на Келли-стрит выходили молодые люди. В субботнее утро на тротуаре можно было увидеть лишь нескольких стариков и старух. Как такое могло быть? Если в Нью-Йорке два миллиона евреев, то где они живут? Где находятся их дети? Играют ли они в стикбол? Болеют ли за «Доджерсов»? Играют ли летом в монетку, обмениваются ли комиксами? Читают ли о Капитане Марвеле? Почему их нигде не видно?

Ему захотелось разбудить маму и задать все эти вопросы ей. Он хотел рассказать ей о еврейских законах, правилах гигиены и алфавите. Он хотел спросить ее, почему Гитлеру позволили убивать евреев, если еще до войны было известно, что он собирается так поступить. Он хотел спросить, слышала ли она когда-нибудь еврейскую музыку и где именно в Нью-Йорке проживают эти два миллиона евреев.

Но она выглядела измученной, уставшей оттого, что ей пришлось по снегу идти до больницы и обратно, что оказалось тяжеловато, поскольку за время дежурства напало еще снега. Она спала с открытым ртом. Он тронул ее за плечо. Она открыла глаза.

– Мам, – сказал он. – Может, ляжешь?

Она выглядела удивленной.

– Который час?

– Уже поздно, – сказал он. – Иди спать.

Майкл ушел в свою комнату, почистив зубы и закрыв дверь; под одеялами было тепло, но заснуть он не мог. От падавшего свежего снега стены комнаты будто бы светились. Снег накрывал всю округу, не было ни ветра, ни звука. И вот пока снег замечает тротуары, в подсобке лавки сладостей, наверное, плачет жена мистера Джи. Ее мужа увезли на скорой без сознания, лицо превратилось в распухшее кровавое месиво. Все видели скорую и полицию, но никто не сказал ни слова. В синагоге на Келли-стрит снег замечает двери, ступени крыльца и крышу, а бородатый человек с печальными глазами (Майкл был в этом уверен) сидит и слушает еврейскую музыку, прекрасную и нежную.

Рабби тоже приезжий. Откуда-то из Европы. Майкл это понял по его акценту. Он не был местным. Но как ему удалось спастись? В газетах писали, что погибло, возможно, шесть миллионов евреев. Почему он не оказался среди них? Он тоже из Польши? Пришли ли за ним нацисты? Где он прятался: на чердаке или в шкафу? Или у него было оружие и он принял бой? У рабби наверняка была своя история, и Майкла она очень интересовала.

Перед тем как окончательно погрузиться в сон, он думал о том, как было бы здорово встретить Юдифь – в браслетах и серьгах, с драгоценными камнями в волосах – и дотронуться до ее золотистой кожи. Но он отогнал от себя эти мысли, посчитав их чем-то греховным, и прошептал слова молитвы Ave Maria: с ними он будет чист, как свежий сугроб в Проспект-парке.

6

Утром после мессы снизу позвонили Сонни и Джимми – и Майкл вприпрыжку понесся по лестнице, чтобы с ними встретиться. В подъезде Сонни его обнял.

– Мы тебя не бросили, Майкл, – сказал Сонни. – Этот урод Фрэнки Маккарти повсюду рыскал со своими парнями, долбаными «соколами», нам пришлось спрятаться.

– Сидели дома, – сказал Джимми. – Радио слушали.

– Я так и подумал, – сказал Майкл, ему не терпелось поверить в то, что его не бросили в лавке мистера Джи. Он не рассказал им о том, что он пережил, и не упомянул, что вызвал скорую. Это было вчера, а сегодня – это сегодня. Они пошли в направлении парка. Воздух был холодным и чистым. Майкл решил, что придорожные кучи снега напоминают горные хребты, и ребята принялись давать названия кучам, громоздившимся на углах, куда их сваливали снегоуборочные машины. Гора Коллинз. Гора Мак-Артур.

– Долбаные горы будут тут до лета торчать, – сказал Сонни. Они посмеялись и остановились посмотреть, как малыши роют ходы в снежных горах. Майкл с трудом пытался представить себе, как выглядят эти улицы в летнюю жару.

Они дошли до парка, следуя за другими детьми – те тащили санки или придерживали болтающиеся на шее связанные ботинки с коньками. В киоске, что у входа в зоопарк, Сонни купил какао и дал отпить Джимми и Майклу. Из зверей были видны только белые медведи, и Майкл подумал, что никогда не видел их такими счастливыми.

– Интересно, как себя чувствует мистер Джи? – в конце концов выдал Сонни.

– А как ему себя чувствовать? – ответил Майкл. – Фрэнки шарахнул его чертовым касковым аппаратом.

Сонни покачал головой и уставился на заснеженный лес позади зоопарка.

– А вот как себя чувствую я, – сказал он. – Отвратительно. Он ведь за меня вступился, помнишь?

Майкл все прекрасно помнил.

– Хватит, проехали, – сказал он.

– Да уж, – сказал Сонни.

Лавка сладостей мистера Джи оставалась закрытой еще два дня. По заснеженным улицам разъезжали туда-сюда два сыщика в полицейской машине без маркировки. Они прозвали этих копов Эбботт и Костелло, поскольку один был длинным и тощим, а второй коротеньким и толстым, как веселая парочка из кино. Но комиками они не были. Почти все дети в округе знали, что они делают с плохими парнями в своем кабинете на третьем этаже полицейского участка на Макгайр-авеню, и не хотели, чтобы такое проделали с ними самими.

На следующий день около полудня Эбботт и Костелло остановили авто перед входом в заведение Непобедимого Джо, зашли внутрь, выпили пива у стойки и вышли. Машину вел Костелло. Затем они остановились перед входом в бильярдную «Звезда», что через улицу от «Венеры», и поспешили внутрь. Вышли они, оживленно беседуя и кивая головами. Костелло вразвалочку направился в «Венеру», а Эбботт остался снаружи, держа правую руку во внутреннем кармане серого пальто. Майкл видел, как он сплевывает в кучу снега. Вскоре Костелло вышел из кинотеатра, они сели в машину и уехали.

– Ищут Фрэнки, – сказал Сонни. – За избивание мистера Джи.

Мальчики стояли перед входом в галантерею рядом с конфетной лавкой Словацки, переминаясь с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть.

– Они к нему домой тоже заходили, я видел, – сказал Джимми.

– Надеюсь, они его поймают, – сказал Майкл. – И упрячут в чертову тюрьму.

– Что? – удивился Сонни. – Ты хочешь, чтобы его схватили?

– То, что он сделал с мистером Джи, отвратительно, – ответил Майкл. – Он урод. Он трус, Сонни, он чертов отморозок – так избить старика. Который, между прочим, защищал тебя.

Сонни помолчал.

– Ну да, – сказал он в конце концов. – Но тебе лучше помалкивать. Иначе тебя могут заклеить как стукача.

– Это как еще заклеить? – спросил Джимми. Разговаривая, они выпускали изо рта маленькие облачка пара.

– Возьмут нож и воткнут вот в это место, – сказал Сонни, вдавив указательный палец в щеку возле уха. – Сделают дырку вот тут, видишь? А потом, – он провел пальцем по щеке до угла рта, – потом прорежут от нее до рта. И все будут знать, что у тебя большой рот. До конца твоей долбаной жизни.

– Господи Иисусе, – сказал Джимми.

Майкл содрогнулся.

– Это очень плохо, – сказал Сонни. – Очень плохо носить такое клеймо.

– Но все-таки... – начал было Майкл.

– Копы придут к тебе с вопросами, Майкл, но ты ничего не видел, – сказал Сонни. – Только так. Ради тебя же. Ради всех троих.

Майкл вспомнил, что ему сказал Фрэнки Маккарти, забирая с собой из лавки пачку «Лаки страйк». Ты ничего не видел. Такие правила.

– Ладно, – сказал Майкл. – А что будет с Фрэнки?

– Скорее всего, ничего.

– Это неправильно, Сонни.

– Неправильно, но что поделаешь.

– Ты хочешь сказать, что он может вот так сделать – и ему ничего за это не будет? Он старику едва мозги не вышиб. Он мог это сделать и с нами. Кто его за это накажет?

– Не знаю. Может, Бог.

Джимми Кабински улыбнулся:

– Мой дядя сказал, что мистер Джи получил по заслугам.

– Ты о чем? – спросил Майкл.

– Так он же жид, – сказал Джимми. – Дядя говорит, что на старой родине он уже был бы покойником.

– Почему? – спросил Сонни. – В партизаны бы пошел?

– Нет, типа – просто бы убили.

– Твой дядя чертов псих, – сказал Майкл.

– Почему это псих? Он же...

– Эй, хорош, завязывайте, – сказал Сонни. – Не хватало нам еще спорить насчет евреев.

Господи Иисусе.

– А дядя говорит, что евреи убили Иисуса и заплатят за это.

– Убили Иисуса? Пять тысяч чертовых лет назад? – сказал Сонни. – Могу гарантировать, что мистера Джи тогда среди них не было.

– Ну да, но...

– Без «ну», Джимми. У меня нет какой-то особенной любви к евреям. Но какого хрена избивать мистера Джи, если он не имеет к этому никакого отношения?

– Правильно, – сказал Майкл. – Это не из-за Иисуса. А из-за нас.

– Ну...

– Хорош, – сказал Сонни. – Пошли снег разгрести.

Они пробирались через снежные кряжи и ледяные холмы Эллисон-авеню. Травили анекдоты, подслушанные в школе до рождественских каникул, обсуждали возможность хотя бы одного такого же снегопада – тогда уж точно в школу возвращаться не придется, спорили о том,

кто изобрел телефон, и жалели, что ни у кого из них дома нет телефона, останавливались у магазинов, где им обычно поручали разгрести снег. У лавочников были свои лопаты, но у некоторых были и свои дети, которые справлялись с этой работой. Тем не менее они заработали шестьдесят центов и отправились к Словацки, где уселись перед прилавком и заказали три чашки какао.

– Мне надо вам кое-что рассказать, – сказал Майкл.

– Что это ты избил мистера Джи, – сказал Сонни, смеясь.

– Нет, – сказал Майкл. – Про другое.

Он рассказал им о своем визите в синагогу на Келли-стрит и о том, как рабби возник посреди метели, позвал его и попросил включить свет. Он не смог точно описать, как звучал голос этого человека, и не стал признаваться в том, что испытал страх, когда вошел в прихожую. Но он сказал, что рабби показался ему вполне хорошим человеком.

– А, вот что тебя так разъярило, – сказал Джимми. – Ты с ними дела водишь.

– Все, что я сделал, – включил этот чертов свет, – сказал Майкл, отхлебывая густой сладкий какао. Миссис Словацки была занята другими покупателями; когда лавка мистера Джи закрылась, работы ей основательно прибавилось: продавала конфеты детям и сигареты взрослым.

– Вот, значит, как они тебя поймали, – сказал Джимми.

– Ага, обманули и заманили в ловушку. Джимми, я здесь, и я живой.

– Откуда ты знаешь, может, он тебя загипнотизировал.

Сонни поднял руки ладонями наружу.

– Минуточку, погодите, – сказал он, останавливая их спор. – Это может оказаться кстати.

Майкл повернулся к нему:

– Ты о чем?

– Сокровища.

– Какие сокровища?

– Только не говори мне, что не слышал о сокровищах, Майкл. О них знают все.

– Никогда ничего не слышал о сокровищах, – сказал Джимми.

Сонни понизил голос и склонился к Майклу и Джимми:

– Евреи отдают своим раввинам деньги, драгоценные камни, рубины, золото и всякую такую фигню. Но раввины не кладут все это в банк. Берут и закапывают. Прячут. Они держат все при себе, потому что, если вдруг однажды придется сниматься с места, они смогут упаковать все в сумку и сделать ноги.

Майкл подумал о драном пальто рабби, его грязных руках и облупившейся краске в прихожей.

– Все говорят: в синагоге на Келли-стрит лежат сокровища, – продолжил Сонни. – Мои дяди, тетя Стефани – все про это слышали. Там полно всего спрятано. Камни, алмазы, золото, все такое. Моя кузина Лефти однажды ночью с друзьями туда проникла, давно было дело, до войны еще. Но они ничего не нашли, раввин все надежно спрятал.

Он остановился и глазами, выдававшими возбуждение, принялся обшаривать помещение конфетной лавки: никто посторонний не должен был этого слышать.

– Ну и?.. – спросил Майкл.

– Так что, Майкл, ты уже просунул ногу в дверь. Войди в нее. Найди долбаные сокровища. Сердце Майкла подпрыгнуло.

– Ты хочешь сказать, чтобы мы их украли? – прошептал он.

Сонни повернул голову в его сторону, косясь на стенд с комиксами и дешевыми журналами.

– Не-а. Не украли. Вернули – вот как я думаю. Все эти деньги они получают за аренду и за то, что у них так все дорого в магазинах, ну и всякое такое.

– Да ладно, Сонни, – сказал Майкл. – Это обычное воровство.

– Ну, даже если и так, то в чем проблема? Ты же хочешь купить своей маме дом? Во Флэт-буше или еще где-нибудь. Такой, чтобы и дворик, и дерево росло, и гараж с машиной там же. Что – слабо ей заявить: все, матушка, я сорвал куш, и теперь тебе не надо работать в этой долбаной больнице!

– Она меня засмеет. Или вызовет чертовых копов.

– Фигня. И ты это знаешь, Майкл, – сказал Сонни. – Деньги не пахнут. Ты придумаешь, что соврать, и она поверит. Никто не будет вызывать полицию, чтобы сдать собственного ребенка.

– Не хочешь брать свою долю, – сказал Джимми Кабински, – так отдай ее мне. Мой дядя не станет вызывать копов.

– Я видел рабби, раввина, – сказал Майкл. – Он бедный. У него одежда вся обтрепанная. Верх ботинок похож на жареный чертов бекон. Если у него там сокровища, почему он не может купить себе пальто?

– Он может и не знать о сокровищах, – сказал Сонни. – Он ведь там недавно, да? Ты же в первый раз видел? Может быть, прежний помер и не успел сказать этому парню о сокровищах.

– А может, сокровищ там нет.

– Ну так проверь.

Вошел толстяк-полицейский Костелло и, побрякивая, приобрел у миссис Словацки пачку сигарет «Пэлл-Мэлл». Мальчики примолкли. Сыщик взглянул на них и вышел, сдирая целлофановую обертку с пачки. Эбботт сидел в машине, накренившейся на куче слежалого снега. Он кивнул толстяку, когда тот садился за руль.

– Бочка с дерьмом, – сказал Сонни.

– Большой суровый мужик, – сказал Джимми.

– Ну так как, Майкл? – спросил Сонни.

– Я не верю в эту историю, – сказал Майкл, уже жалея, что рассказал о своем визите в синагогу.

– Ты веришь в Капитана Марвела, а в это не веришь? – возмутился Сонни.

– А кто тебе сказал, что я верю в Капитана Марвела?

– Ты мне говорил в том году, что он, возможно, жил на самом деле.

– Это было в том году.

– Ну, так в этом году изволь пробраться в долбаную синагогу и посмотреть, что у них там есть.

Майкл допил какао.

– Надо подумать, – сказал он.

7

В новогоднюю ночь точно так же, как и в прошлом году, гудели сирены, звонили церковные колокола и люди стучали по кастрюлям, выбравшись на пожарные лестницы, но все это было не так, как в первый послевоенный год. Звуки смягчал обильно выпавший снег, плюс к этому многие уже успели лишиться своих рабочих мест на закрывающихся военных заводах. С наступлением 1947 года Майкл остался дома. Его мать отправилась на вечеринку в квартире миссис Гриффин на втором этаже, и он в одиночку слушал радио; после полуночного сигнала Гай Ломбардо запел песню «Старое доброе время». Майкл пытался понять, о каком времени идет речь и о каких друзьях, и думал о том, что хорошо бы не забыть с утра задать эти вопросы маме. В постели он читал «Три мушкетера» и думал, что он, Сонни и Джимми Кабински совсем как Атос, Портос и Арамис и что им нужен еще один парень на роль д'Артаньяна. Название книги было не совсем правильным, ведь она была на самом деле о четырех мушкетерах, но по большому счету это не важно. Важен их девиз: все за одного, один за всех. Именно так они с Сонни и Джимми всегда поступали. Даже если насчет чего-то не соглашались, они оставались вместе. Друзьями. Мушкетерами. Навсегда. Вот о чем он думал, погружаясь в сон.

В следующую субботу, последнюю за время каникул, Майкла назначили на семичасовую утреннюю мессу в соборе Святого Сердца. Снег уже не падал. Но автомобили еще стояли вмороженными в глыбы черного льда, а сосульки на Келли-стрит выглядели еще более угрожающими, целясь в него своими мерзлыми носами из разрушенных водостоков арсенала. Гигантский вяз оттащил в сторону снегоуборщик, но помятый забор и побитое авто остались как были, лишь подернулись льдом. Майкл все это увидел, свернув за «Венерой»; его подталкивал в спину напористый ветер из гавани.

Дверь в синагогу оказалась закрытой. Из ее темных глубин не доносилось «пожалуйста», и он почувствовал облегчение. Всю неделю Сонни напирал на него, чтобы Майкл проник в синагогу как шпион. Чтобы подружиться с рабби. Чтобы понять, есть ли там тайные сокровища. Короче говоря, чтобы он предал человека с печальным голосом и мятыми обшлагами, а также историю, которая его так интересовала. На мгновение Майкл засомневался, подумав о том, что он мог бы постучать в дверь и спросить рабби, не нужно ли ему включить свет. Он не постучал. Прошел дальше не останавливаясь до самой церкви на холме.

Однако в течение всей мессы, пока отец Хини пробегал литургию, Майкл думал о рабби. Он понимал, что должен сосредоточиться на Страстях Господних, придавая смысл заученным латинским фразам, но рабби никак не выходил из головы. Не только из-за сокровищ. Есть они там или нет, но Майкл никак не мог представить себе, как он ночью входит в синагогу, чтобы их присвоить. И, кстати, если евреи плохи тем, что они подлые и коварные, то чем он будет лучше их, если тоже проявит подлость и коварство? В какой-то момент, перед сбором пожертвований, он услышал свой собственный голос, спорящий с Сонни, – голос объяснял, почему он не будет делать того, что Сонни предлагает. Сонни, это неправильно. Сонни, мы не можем даже и думать об этом, потому что это неправильно. Он услышал смех Сонни. Увидел, как тот пожимает плечами. Услышал, как Сонни напоминает ему их девиз: все за одного, один за всех.

Когда пришло время сбора пожертвований и старухи встали со своих скамей, а с ними несколько женщин помоложе и пара стариков, он держал патену и представлял себе лицо рабби. Возможно, он все еще спит. В конце концов, на той неделе я служил восьми-, а не семичасовую мессу – и он может ожидать меня в десять минут восьмого. Но он мог и заболеть. Или, узнав о том, что Фрэнки Маккарти сделал с мистером Джи, боится открывать дверь. Майкл размышлял об этом, а отец Хини тем временем раскладывал хлебцы по высунутым языкам. На мгновение Майкл подумал о том, что включить свет вполне мог бы и кто-то другой, но тут же почув-

ствовал приступ ревности. Никто другой не должен этого делать. Неделю назад свет включил я – значит, и сегодня должен сделать это я.

Приобщение святых тайн закончилось. Отец Хини ворвался в финальную часть мессы, бормоча невнятно свою латынь, и Майкл отвечал ему на автомате. Мальчику было не до мессы: его переполняли его собственные вопросы, и нелегкие. Почему я продолжил свой путь? Потому что я боялся опоздать на мессу? Или потому, что замерз? Конечно же нет. Я боялся идти туда на разведку. Или поддаться искушению найти сокровища, а после – не устоять перед соблазном. Стоп, а что потом с ними делать-то, с сокровищами этими? Скажи-ка мне, Сонни. Пойдем в ломбард Ставенхагена и продадим? Понесем все к какому-нибудь забору на Гарфилд-плейс? Если трое пацанов появятся где-нибудь с алмазами и рубинами, через пару часов это станет известно копам. Это чертова шутка. И еще одно, Сонни: синагога – это дом Божий. А христианство произошло от евреев. Ведь Бог-то один и тот же! И это они написали Библию, чувак. Это в энциклопедии сказано. Они даже чертов алфавит изобрели, Сонни! Это будет все равно что ограбить церковь, Сонни. Он услышал, как Сонни смеется. Нет, хуже: он увидел, как Сонни отворачивается от него – и на этом их дружба заканчивается.

А может, причина в другом, подумал он. Все куда проще. Может быть, я прошел мимо, потому что бородатый человек – еврей. И всего-то.

После мессы Майкл повесил подризник в шкаф, сложил стихарь, схватил пальто и поспешил по коридору, соединявшему комнату алтарных служек с ризницей. Он хотел поговорить с отцом Хини. Из алтаря раздавался голос отца Маллигена, высокий и спокойный, – он читал восьмичасовую мессу.

Отец Хини снял свои облачения и восседал на складном стуле, широко расставив ноги, и задумчиво курил «Кэмел». Он даже не взглянул на Майкла, когда тот вошел в ризницу. Мальчик подошел поближе и встал перед ним. Отец Хини молчал.

– Отец Хини?

Святой отец поднял глаза:

– Да?

– Можно задать вам вопрос?

– Конечно, малыш.

– Иисуса убили евреи?

Священник смотрел прямо на него, и Майкл обратил внимание на его красные водянистые глаза.

– Почему ты задаешь мне тупые вопросы в этот утренний час? – сказал он резким тоном.

– Я... ну, в общем... тут дети говорят, понимаете, на Эллисон-авеню... в общем – говорят, что это евреи убили Иисуса. И...

– Они дебилы.

– Евреи?

– Нет, идиоты, с которыми ты беседуешь на Эллисон-авеню.

Святой отец посмотрел вверх, сделал последнюю затяжку и открыл кран в раковине. Подержал сигарету под струей воды и бросил окурочек в желоб для увядших цветов. Набрал воды в ладони, плеснул себе в лицо, закрыл кран и потянулся к полотенцу. Вытер лицо, потер глаза пальцами. Каждое его движение выглядело частью какого-то ритуала.

– Иисуса убили римляне, – сказал отец Хини с отвращением. – Они всем заправляли в Иерусалиме, а евреи – нет. Римляне увидели в Иисусе угрозу своей власти. Так поступает большинство политиков. Точнее, бандитов. Они-то его и грохнули. Как рэкетеры. Если бы твои друзья-идиоты с Эллисон-авеню умели читать, они бы это знали.

Майклу нравилось, как отец Хини говорит; если бы Хамфри Богарт был священником, он бы тоже сказал, что Иисуса «грохнули».

– Кроме этого, Иисус и сам был евреем, – сказал отец Хини и вздохнул. – Но лучше бы тебе этого не знать, так уж устроен мир.

Он дотянулся до шкафа, схватил свою шинель, надел ее и подошел к двери.

– Общайся лучше с кем-нибудь другим, малыш, – сказал священник и вышел.

Майкл пришел в возбуждение. Отец Хини все подтвердил: в энциклопедии написана правда. Иисус был евреем. А если это правда, то правда и все, что он вычитал из большой синей книги. О евреях. Обо всех прочих. Он смотрел через дверь в алтарь – прихожане собирались к причастию. Он вышел через ризницу в алтарь, прошел мимо склонивших головы старух, дыша воздухом, густо пахнувшим ладаном и свечным воском. Дошел, не оглядываясь, до входной двери, вышел на улицу и вдохнул чистый холодный воздух января.

Это римляне убили Иисуса!

Спускаясь с заледенелого холма, он представлял себе, как римляне это делают. Люди в железных шлемах втыкают копыя в бок распятому Иисусу. А другие римляне играют в кости – кому достанется его одежда. И каждый похож лицом на Фрэнки Маккарти. Кучка гадких уродов.

Дойдя до синагоги, Майкл направился к боковому входу и громко постучал в дверь. Чуть погодя рабби открыл ему. Увидев Майкла, он посветлел лицом и улыбнулся. Одет он был во все то же мягкое твидовое пальтецо, на голову нахлобучена черная шляпа, роговые очки свисали с шеи на шнурке. За его спиной виднелась темная прихожая.

– Нашли кого-нибудь? – сказал Майкл. – Ну, чтобы свет вам включил?

Рабби улыбнулся.

– Нет, – сказал он. – *Шабес-гой* я не находил.

– Чего не находили?

– *Шабес-гой*. Сегодня *шабес*. По-вашему, суббота, – он открыл дверь шире. – Заходить. Пожалуйста, заходить. *Коом арайн, битте*⁷...

Не дожидаясь, пока его попросят, Майкл щелкнул выключателем. На потолке зажегся плафон. Глаза рабби блеснули, и он закрыл дверь перед летевшим с Келли-стрит снегом.

– Спасибо вас, – сказал он. Затем поднялся на три ступеньки в дальнем конце вестибюля, жестом приглашая Майкла последовать за собой.

– Заходить, пожалуйста, – сказал он. – Здесь очень холодный.

На мгновение мальчик испытал прежний страх. Может быть, на этот раз рабби готовит ловушку. И потому улыбается. Что окажется за этой дверью? Почему я должен ему верить? Возможно, отец Хини неправ и вся эта ложь на самом деле – правда, ведь возможно же... Майкл чуть замешкался, подавляя в себе желание развернуться и пуститься наутек. И услышал голос Сонни, назначающий его шпионом.

– Мне здесь нужно тоже *шабес-гой*, – сказал рабби. – Чтобы сделать чай, мне нужно плита и...

Открыв дверь, он осекся. Майкл сделал вдох и проследовал за ним в каморку с низким потолком, пропахшую солениями. На столе посредине комнаты лежали раскрытые газеты, а рядом с ними красный карандаш и увесистая книга, с виду похожая на словарь. Слева у стены стояла раковина. Рядом оказалась газовая плита с облупленной дверцей духовки. Рабби показал на нее жестом, поворачивая что-то пальцами в воздухе, пока Майкл не догадался включить газовую горелку под чайником.

– Здесь есть холодно, – сказал рабби. – Потому есть лучше, когда мы будем пить стакан чай. Ты любить чай? Хороший горячий чай в холодный день.

– Ладно.

⁷ Давай, пожалуйста (*иди*).

– *Гут*⁸, – он будто недоговорил слово «гуталин».

– Рабби?

– Да?

– А что за слово вы говорили до этого? – сказал Майкл. – *Шабус*?

Рабби не сразу догадался, о чем речь, но в конце концов просветлел.

– *Шабес*! По-вашему – это суббота. Это начинается в пятницу вечером и длится всю субботу. Божий день. День отдыха.

– А другое слово?

– *Гой*? Оно значит... значит, что человек не есть еврей. *Шабес-гой* – это человек, который не есть еврей, он приходит в субботу и включает свет, плиту или духовку, всякое такое. Мы не можем это делать.

– Почему это?

Рабби пожал плечами:

– Это закон. Я еврей, а еврей нельзя работать в *Шабес*. Это закон. Некоторые евреи работают девять дней в неделю. Я еврей, который делает по закону. Включить свет – работа. Зажечь плиту – работа. Письмо писать – работа. Нельзя трогать рукой деньги. Это закон. Чтобы восславить Господа.

Майкл подумал: самый тупой из чертовых законов, о которых ему приходилось слышать.

– А почему мне это можно? – спросил он.

– Ты есть *гой*, – сказал рабби. – *Гой* можно делать это. Еврей нельзя.

– Но ведь это тот же самый Бог, да? В смысле, я читал в книжке, что христиане произошли от евреев. Они поклоняются тому же самому Богу. А если это один и тот же Бог, почему тогда для евреев один закон, а для «гой» другой?

– *Гоим*. Если больше чем один – *гоим*.

– Так почему для «гоим» другой закон?

– Хороший вопрос.

– А ответ?

Рабби отвернулся проверить, не закипела ли вода.

– Я это не знаю, – сказал он. – Некоторые вопросы... у нас нет на них ответов.

Рабби снова заговорил жестами, и Майкл открыл ему кран, думая: вот почему у него на той неделе руки были такими грязными – он же не мог включить воду. Мальчик попытался представить себе священника, даже отца Хини, который признал бы, что не на все вопросы бывает ответ. Нет, это невозможно. Пока рабби мыл руки, Майкл взглянул на газету, в которой некоторые слова были обведены красным. Красным они были обведены и в словаре. Он огляделся и увидел еще две двери. Одна была толстой, с медными ручками и удлиненной замочной скважиной. Другая, чуть приоткрытая, была поменьше. Он подумал: возможно, большая дверь ведет в сокровищницу.

У противоположной стены стояла маленькая незастеленная кровать и набитая книгами этажерка. В верхнюю полку была засунута фотография женщины в коричневой сепии. Овальное лицо. Убранные назад волосы. Влажные темные глаза. Майкл подвинулся поближе к книгам, снова взглянув на лицо женщины, стараясь не выдавать свой интерес. Он пробежал пальцами по корешкам книг и вспомнил сцену из какого-то фильма, где сыщик нажимает на книжный шкаф – и тот поддается, открывая дверь в секретную комнату.

– Нравятся мои сокровища? – сказал рабби, и сердце Майкла екнуло.

– Что?

– Мои книги, – сказал рабби, ткнув рукой в книги на второй сверху полке под фотографией женщины. – Это все, что у меня есть, но ведь это сокровище, да?

⁸ Хорошо (*идши*).

Сердце Майкла успокоилось, пока он разглядывал книги. Названия их были на языках, которых он не знал, а некоторые состояли из совершенно незнакомых букв.

– Ты любить книги? – спросил рабби.

– Да, – ответил Майкл. – Но они – они что, на еврейском?

Рабби показал пальцем на кожаные переплеты самых толстых книг.

– Это не на еврейском, а на иврите, – сказал он. Затем показал на книги потоньше, с потрепанными бумажными корешками. – А эти на идише.

– А в чем разница?

– Иврит это... э... ну, – он перевел взгляд на словарь. – Язык Израиля.

В слове «язык» ударение пришлось на первый слог. Майкл помотал головой и произнес правильно, рабби кивнул, подняв черные кустистые брови в знак признательности.

– Да, язык, – он перенес ударение куда надо. – Хорошо, слушай, мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, сказать мне, когда я делаю ошибку. Язык, язык. Хорошо. В общем, иврит – этот язык Торы и Талмуда...

– Это язык, – поправил его Майкл, вспоминая нудные упражнения на уроках грамматики. – Это язык, это стол, это плита.

– Это чай! – улыбнулся рабби.

Он подошел к плите, поднял кипевший чайник и налил воды в заварник.

– То, что у нас будет, – это чай!

– А другие книги? – сказал Майкл. – Вы начали говорить...

– Идиш, – сказал рабби. – Язык народа. Обычных людей. Не раввинов. Простых людей.

– А о чем эти книги?

Рабби стоял перед этажеркой.

– Это обо всем, – сказал он, снимая с полки том. – О религии. Об истории евреев, – он взвесил на руке книгу. – Но есть и Бальзак. Знаешь Бальзак?

– Нет.

– Очень хороший Бальзак. Очень умный французанин. Тебе надо читать Бальзак. Он знает все. А вот Генрих Гейне. Очень хорошие стихи. А вот Толстой, он очень великий.

Майкл присел на корточки, взял с нижней полки пыльную книгу и раскрыл ее:

– А это – на иврите или на идише?

Рабби напялил на нос очки:

– На идиш.

– А про что книга?

– Это очень смешная история. И очень печальная. Добрый солдат Швейк. Чешский солдат, он знает, что война – это сумасшествие. Я уверен, что он есть и в английских книгах.

Рабби отвернулся и достал с полки над раковиной два стакана. Он налил в них чай. А затем сложил газеты и отодвинул их в сторону, поставил стаканы на стол и жестом пригласил мальчика присоединиться. Майкл никогда до этого не пил чай из стаканов. Затем рабби поставил на стол сахарницу с ложкой. Вдруг он испуганно подался вперед и подал Майклу руку. Мальчик ее пожал.

– Я рабби Хирш, – сказал он. – Иегуда Хирш.

– Майкл Делвин, – сказал мальчик.

– Ты добрый мальчик, – сказал рабби. Майкл поправил его: добрый. Поднял стакан и отхлебнул из него. Стакан оказался горячим.

– Это замечательно, – сказал он, ставя стакан на стол, чтобы дать чаю остыть.

– В Америке трудно найти хороший чай, – сказал рабби. – Может, дело в воде?

Ага, он же из Европы, а там вода другая. Майкл вспомнил синие тома энциклопедии и спросил рабби, не из Польши ли он.

– Нет. Из Праги. Знаешь, где Прага?

– Я знаю Пражского младенца Иисуса. Это статуя Иисуса, которая вроде делает чудеса и всякое такое. У нас в церкви продают уменьшенные копии. Но где Прага, я точно не знаю.

– В Чехословакии, – ответил рабби. – Прага красивый город. *Шейн. Зейер шейн*⁹... Самый красивый город во всей Европе.

В его голосе послышалась печаль, и он, судя по виду, насторожился. Майклу это напомнило маму, когда та пела песни о далекой Ирландии, которую она покинула. Старая родина, как она обычно говорила. А жила при этом в новой.

– Почему ты думаешь, что я польский?

– Я прочел в книге, что в Польше до войны жило три миллиона евреев.

– Это правда. А теперь? Никого не осталось. Все погибли.

Он вдруг перевел взгляд на газету:

– Английский язык такой странный.

– Вы учите его в школе?

– Нет. Нет. Учю сам. Но это очень трудно. – Он взял в руки последнюю страницу «Дейли ньюс» и показал на заголовок: – Посмотри, что это может значить?

Заголовок гласил: СТАЯ БЕРЕТ РОББИ.

– Ну, – сказал Майкл. – Это про бейсбол.

И Майкл впервые принялся объяснять пражскому рабби таинства бейсбола – в будущем они к этому еще вернуться. Начал он со «стаи» – это были «Бруклин доджерс». Стаей их окрестили за то, что много лет назад они называли себя «Воробьи». А воробьи, как известно, это птицы. Поэтому, даже сменив имя, они так и остались «стаей».

– Но «стаей» их никто не называет, – сказал мальчик. – Только в газетах. Здесь все называют их просто «Доджерс». Или «Шланги».

Рабби выглядел озабоченным.

– Шланги? – он задумался. – А что это означает?

– Ну, «шланг» – это такой лодырь, человек, от которого мало толку.

– То есть их не любят?

– Нет, мы их любим. Но, когда они проигрывают, мы их между собой называем «Шланги». Видите ли, рабби, в Бруклине многие вещи называют по-своему. В кино и по радио говорят по-другому...

Голос Майкла звучал в несколько напряженной тишине; ведь действительно – суть игры в бейсбол не так-то просто объяснить. Маму он просветить так и не сумел. Возможно, с этим надо родиться. Рабби уставился на мальчика, брови его нахмурились, будто бы он еще раз убедился в том, что английский не дастся ему запросто. Затем он показал на другое слово:

– А кто этот Робби? Шланг?

– Пока неизвестно.

Майкл объяснил, что Робби – бейсбольный игрок по имени Джеки Робинсон. Он был цветным, негром, и до этого в верхних лигах чернокожих игроков не было. Поэтому заголовок означает, что «Доджерсы» подписали с Джеки Робинсоном контракт, и если он пройдет весенние сборы, то к середине апреля будет допущен к играм на Эббетс-филд. В этом году. В тысяча девятьсот сорок седьмом. Первый негр в верхних лигах.

– А что такое верхние лиги? – спросил рабби Хирш.

– Ну, есть две высшие лиги, их можно называть и «верхними». «Доджерс» играют в Национальной лиге. И «Джайнтс», у них база на Манхэттене на стадионе «Поло граундс». Но «Янкиз», которые из Бронкса, играют в Американской лиге. Ну, и есть еще куча нижних лиг. Лучшие игроки, конечно, все в верхних, особенно сейчас, когда война кончилась...

⁹ Красивый. Очень красивый (*идши*).

Он силился объяснить все как можно проще. Но лицо рабби выдавало предельно допустимую концентрацию.

– Мне нужно все это изучить, – сказал он, кивая головой. – Если уж я живу в Америке, мне нужно учить себя. – Он посмотрел на Майкла. – Может быть, ты можешь учить меня.

– У-у-у, ну-у-у-у, рабби, я не знаю. Я сам еще только учусь.

– Нет-нет, ты хорошо говоришь. Ты можешь меня учить. Я это знаю.

Майкл внезапно почувствовал себя в ловушке: то, о чем просил его рабби, было сделать куда сложнее, чем щелкнуть выключателем.

– Деньги, у меня нет денег, чтобы ими тебе платить, – сказал рабби. – Но я могу тебя учить идиш. Ты мне английский, я тебе идиш.

Майкл взглянул на этажерку. Рабби выглядел бедным. Эта комната была столь же бедной, как любая комната на Эллисон-авеню; по сравнению с нею собор Святого Сердца был дворцом. Если у рабби и есть тайные сокровища, то он определенно не использует их в собственных целях. Но у него есть другие сокровища, вот они – таинственные книги на странных языках. На мгновение Майкл почувствовал, как из книг поднимаются живые люди, бородастые мужчины и темноволосые женщины, солдат, ненавидящий войну, француз, который знает все на свете, и все они разговаривают на неслыханных языках. Они поднимались с этажерки, словно туман.

Он хотел разговаривать с ними и слышать их голоса в ответ. Возможно, это и удастся. В эту глубокую и бесконечную юконскую зиму заняться в послеобеденное время было решительно нечем – ни в мяч поиграть, ни по округе поклоняться с друзьями. У него было полно времени. Даже слишком много.

– Вы правда думаете, что сможете научить меня идишу? – спросил он.

– Да, стопудово, – сказал рабби, гордясь тем, что к месту употребил американскую фразу.

– А давайте попробуем, – сказал Майкл.

Рабби широко улыбнулся.

– Хорошо! Очень хорошо! – он допил свой чай и вытер рукавом рот. – Идиш – это великий язык, и он не такой трудный. Не такой трудный, какой трудный английский. Ты сможешь его выучить. – Он похлопал Майкла по спине. – Как это будет по-вашему? Заметано?

Майкл также допил чай и поискал глазами часы. Часов нигде не было. Радио тоже. Он взглянул на тяжелую дверь в углу.

– А там что – храм? – спросил он, чувствуя себя шпионом.

– Да, – сказал рабби Хирш. – Но не храм. Мы говорим... – он принялся перелистывать словарь, водя по страницам пальцем. – *Харам*. – Майкл объяснил, как правильно говорить «церковь». Рабби несколько раз повторил за ним.

– А можно присутствовать на мессе, или как она у вас называется? В смысле: это же не тайная церемония?

– Да, да, это не тайна. Когда-нибудь придешь.

Значит, эта дверь вела не в сокровищницу, где золотые дукаты не умещаются в сундуках, а рубины и изумруды поблескивают в полумраке. Это была всего лишь церковь. Все, что теперь ему нужно, – убедить в этом Сонни. Он собрался уходить и снова посмотрел на фото женщины.

– Ее зовут Юдифь?

– Нет. – Рабби сделал паузу. – Лия. Ее звали Лия. – Он посмотрел долгим взглядом на фото в рамке. – Моя жена.

– Очень красивая.

– Да, – сказал рабби Хирш. – Но она умерла.

– Мне очень жаль, рабби, – сказал мальчик.

– Ребенку сложно понять, что такое смерть.

– У меня умер папа, – сказал Майкл. – Его убили на войне.

Рабби оторвал взгляд от фотографии своей жены.

– Прости, – сказал он. – Я дурак. Я думал, у меня одного кто-то умер.

– Да все нормально, рабби, – сказал Майкл.

– Нет. Смерть – это ненормально, если такой молодой. В конце концов, я... я... – он не мог подобрать слов. – Мне очень жаль.

– Забудьте, – сказал мальчик. – Мне жаль вашу жену, а вам моего отца. Так что на следующей неделе мы начинаем занятия английским.

– Идишем, – сказал рабби.

– И тем, и другим, – сказал Майкл.

– Да, точно.

8

Весь январь основательно штормило.

В первую неделю Майкл увидел, как перед лавкой сладостей мистера Джи остановился грузовик, накренившись на куче колотого льда и свежего снега. Сыновья мистера Джи вынесли наружу картонные ящики, стол, чемоданы, кровать и диван, а затем забрались в кузов со всем этим добром и прочими пожитками и уехали прочь. Они ни разу не оглянулись, и Фрэнки Маккарти не пришел с ними попрощаться.

Спустя несколько дней Непобедимый Джо собрал завсегдаев своего бара, выволок наружу пару лестниц, несколько досок и лебедку, и все принялись водружать вывеску на прежние высоты. Мужчины работали. Они пили виски. Они блевали, вздыхали и ругались. И продолжали пить. Майкл, Сонни и Джимми наблюдали за всем этим из теплого подъезда через улицу, хихикая и комментируя происходящее. Непобедимый Джо с еще одним мужчиной забрались по доскам наверх и обследовали стальные кронштейны, на которых когда-то держалась вывеска. Непобедимый Джо жестом показал тем, кто внизу: тяните. И вывеску подняли, будто монумент в честь победы над чем-то.

Но ветер дул все сильнее, как это обычно происходило на Коллинз-стрит, и мужчины, ругаясь, выбирали и травили веревки, пока гигантский знак не взлетел к небу и не обрушился на землю с величественным грохотом, а за ним – лестницы, доски и сам Непобедимый Джо. Мальчики расхохотались и покинули теплый подъезд, чтобы посмотреть, как Непобедимый скачет на одной ноге, схватившись за другую. Остальные ругались и пили виски из горлышка, чтобы не замерзнуть.

А затем Непобедимый Джо прихромал из бара, неся в руке здоровенный пожарный топор, которым он начал крушить вывеску в какой-то маниакальной ярости: глаза расширены, волосы взъерошены, ноздри раздуты – а потом устал, всучил топор одному из мужчин, тот рубанул по вывеске и передал инструмент другому, а тот следующему, пока снова не дошла очередь до Непобедимого Джо; тем временем вокруг собралась толпа, все приветственно улюлюкали, включая парней с фабрики, что через дорогу, женщин с авоськами, малышню с Пирс-стрит, и все требовали продолжить начатое, вздымая вверх кулаки. Появилась полицейская машина, остановилась, копы вылезли наружу, но мужчины продолжали колотить, крошить и дробить вывеску, пока от нее не осталась лишь кучка обломков, и толпа взревела от счастья, в том числе и полицейские.

– Дайте мне метлу, – заявил Непобедимый Джо. – Вымету отсюда эту долбаную вывеску.

Когда Майкл спустя несколько дней рассказывал обо всем этом рабби Хиршу, голубые глаза раввина буквально плясали, а живот сотрясался от смеха.

– Эти *гоим* просто чокнутые, – сказал он.

Майкл не стал рассказывать рабби Хиршу о том, что некоторые гоим чокнулись на чем-то совершенно ином. В день крушения вывески Непобедимого Джо Майкл, Сонни и Джимми сидели на лестничной клетке у двери на крышу. И Майкл начал понимать, что Джек Лондон имел в виду, описывая, как люди сходят с ума в четырех стенах.

– Ну что, история продолжилась? – спросил Сонни.

– Ты о чем?

– Насчет синагоги. Ты разузнал что-нибудь?

Майкл вздохнул.

– Да нечего там узнавать, – сказал он. – Рабби победнее нас с тобой, Сонни. У него нет ни телефона, ни радио, он живет в одной крошечной комнате, как чертов нищий.

– Может, это для этой, как ее, конспирации.

– Да брось ты, Сонни. Будь там сокровища, он бы уже вынес все в Нью-Йорк, продал и уехал в теплые края. Во Флориду или еще куда-нибудь. Что толку торчать весь день в синагоге, не снимая пальто?

– Чтобы нас одурачить, – сказал Джимми.

– Ты имеешь в виду, чтобы одурачить меня, – сказал Майкл. – Он даже не знает о вашем с Сонни существовании.

– Да какая разница, – сказал Джимми. – Все за одного, один за всех, так?

– Да, но...

Сонни наклонился вперед:

– А может, он и не знает, что там есть сокровища.

Майкл и Джимми посмотрели на него.

– Может быть... может, их закопали или замуровали в долбаную стену или еще куда-нибудь, и прежний раввин знал, где все лежит, или у него была карта либо какой-то шифр, но он помер и не успел никому все это передать. Может, потому рабби ведет себя так, будто ничего там нет.

Майкл остолбенел. Неделю назад это приходило в голову и ему.

– Ну, пусть даже так, нам-то что делать? – спросил он. – Разобрать здание по частям?

– Не, только без крайностей.

– Так что тогда?

– Смотреть надо лучше, и все. Ждать.

Он так это сказал, будто Майкл подтвердил свое участие в заговоре, и Майкл не стал этого отрицать. Промолчав в ответ, он почувствовал себя предателем. Он пришел туда, потому что ему нравился рабби. Нравился его акцент. Нравились проявления его чистого сердца. Нравилось, что тот обращался с ним не как с ребенком и не боялся делать ошибки в языке, который осваивал. Но он не сказал этого Сонни Монтемарано. Он не хотел встать перед выбором между рабби, с которым был едва знаком, и теми, с кем дружил с первого класса. Он промолчал, но знал, что Сонни воспримет его молчание как согласие. Точно так же он согласился и тогда, когда Фрэнки Маккарти сказал ему, чтобы он забыл об увиденном в лавке сладостей мистера Джи. И он промолчал. В любом случае он будет внимателен, и он познакомится с рабби поближе – в этом смысле он может и сдержать свое слово. Но если он не будет ничего видеть, то ему будет и не о чем докладывать Сонни.

После, когда они с рабби приступили к занятиям идишем и английским, Майкл ни слова не сказал о Сонни и слухах про спрятанные сокровища. Вместо этого он привел рабби в полный восторг, посчитав на идише от одного до пяти. Он рассказал рабби о своих домашних заданиях, и тот посоветовал ему «учиться, учиться и еще раз учиться», и Майкл вспомнил о словах мамы насчет того, что евреи всегда выполняют домашние задания и, возможно, их ненавидят именно из-за этого.

Рабби внимательно слушал рассказ Майкла о его матери и о том, как она приехала в Нью-Йорк из Ирландии после смерти бабушки в далеком 1930 году и как она пару лет спустя встретила на танцульках Томми Делвина – то небольшое, что Майклу было известно из их истории. Томми Делвин, его отец, был из Дублина, но он настолько любил Америку, что записался в армию задолго до призыва. Он также был сиротой, как и мама, объяснял мальчик; поэтому ему не довелось увидеться со своими дядями, тетями и двоюродными братьями-сестрами.

– Во всем мире есть люди, у которых нет ни двоюродных братьев и сестер, ни дядь и тетей, – сказал рабби. – Но твоя мать у тебя имеется. Тебе повезло.

Майкл не стал рассказывать рабби также и о мистере Джи, и о Фрэнки Маккарти и других событиях, случившихся на Эллисон-авеню. Однажды субботним вечером снова случился сильный снегопад, хотя и не такой сильный, как рождественская метель. В послеобеденное время местные мужчины пили и пели песни в заведении Кейсмента, которое было названо

в честь ирландского патриота по имени Роджер Кейсмент (точно так же, как Коллинз-стрит была названа в честь Майкла Коллинза, еще одного мученика-ирландца). В ту ночь, прежде чем отойти ко сну, Майкл взглянул на желтые окна салуна – сквозь заледенелые стекла видны были только мужчины. Женщин внутри не было. И он подумал: у мамы нет мужа, а у тех мужчин нет жен. Арифметическая задачка не складывалась. Она красивая. Умная. Работящая. Почему кто-нибудь из них не пригласит ее посмотреть фильм в «Грандвью»? Почему даже на чертовы танцульки никто не приглашает?

Утром на Коллинз-стрит собралась большая толпа, рядом стояла полицейская машина с открытыми дверями. Майкл побежал туда. Один из копов в форме приказал ему отойти, а какая-то женщина взяла его за руку и оттащила в сторону: не смотри туда. Но он все уже разглядел – увидел замерзшее тело старика, втиснутое между двух покрытых снегом автомобилей. Майкл заметил даже гнилые коричневые зубы в его открытом рту. Бесцветные глаза были широко раскрыты и выражали испуг. В ноздрях виднелись замерзшие сопли. Кто-то сказал: Шилдс его фамилия, офицер. Джек или Джимми, не помню. Пьяница с Хука. Полицейский все записывал в блокнот. Майкл уставился на мертвеца: руки того полусогнуты в локтях, одет явно не по сезону – интересно, есть ли у него жена, дети?

А затем он мысленно наложил на лицо мертвеца лицо своего отца, и его унесло из Бруклина. Он попал в промерзлый лес где-то в Бельгии и увидел отца, распластанного на снегу. Вокруг стояли деревья со срезанными верхушками. И подбитые танки, покрытые снегом. Солдаты наклонялись к нему, чтобы заглянуть в лицо. «Не смотри туда», – сказал все тот же женский голос посреди бельгийских снегов, но женщин вокруг не было. Майкл смотрел в глаза отца. Эти глаза видели его, узнавали его, просили о чем-то, будто пытаясь сказать словами. А потом его не стало, и Майкл снова оказался в Бруклине.

В школе Святого Сердца он не смог объяснить брату Донарду, как он видел мертвеца в снегу и как примерил на него лицо своего отца. Он даже и не попытался. И рабби Хиршу не стал об этом рассказывать, хотя тому рассказы о смерти явно не в новинку. Вместо этого он с рвением принялся за учебу, делал во время занятий домашние работы, записывал за братом Донардом. Большинство других детей не утруждали себя записями. Они смотрели в окно. Рисовали самолетки. Корчили друг другу рожи, пытаясь рассмешить. Но Майкл обнаружил, что конспекты помогают ему запоминать. Как только он записывал слово, оно тут же откладывалось в памяти. А как только это слово оказывалось ему нужным, оно тут же появлялось. Он не понимал, почему так происходит. Монахи этому их не учили. Но в случае Майкла это работало. И, кстати, когда нужно было готовиться к экзамену, он мог заглянуть в свои заметки – и все слова возвращались к нему. Прямо волшебство какое-то. Слова уходили, исчезали, пропадали бесследно, и вдруг – Шазам! – как только в них возникала нужда, они появлялись снова.

Майкл обнаружил, что слова и сами по себе обладают какой-то магической силой. Что на латыни, что на идише – они были чем-то вроде тайных кодов, используемых шпионами или членами тайных обществ; ему случалось записывать такое, слушая по радио Капитана Полночь. Но даже английские слова были не так просты, какими казались. Вот, например, буквы Л-О-Ш-А-Д-Ь складывались в слово «лошадь». Но какая именно? Чемпион, лошадь Джина Отри? Триггер Роя Роджерса? Или вот – у еще одного ковбоя, Кена Мейнарда, была лошадь по имени Тарзан, хотя на Диком Западе у них не было этих чертовых книжек о Тарзани. Лошади были разными: огромные полицейские битюги, маленькие лошадки, на которых летом народ катался верхом в Проспект-парке, скаковые лошади, на которых букмекер Брендан принимал ставки в баре Кейсмента. Жеребята и жеребцы, пони и первогодки, пегие и необъезженные, боевые и мустанги – и все они были лошадьми, о которых он узнал из просмотренных в «Венере» фильмов. А ведь были еще и гимнастические кони из дерева, металла и кожи! Получается, что слово не всегда может четко обозначить предмет. И будет возникать путаница.

О таких вещах Майкл обычно думал поздно вечером, пытаясь заснуть. Правильные слова помогали не впасть в серьезный грех, ведь у него в голове всплывали образы женщин: Юдифь с ее золотистой кожей, и Хеди Ламарр, и эта француженка из фильма о Тарзане, на который он ходил в «Венеру». Дениз Дарсель. Их глаза, кожа и зубы внезапно всплывали в его памяти, и он чувствовал себя как-то странно, и его пенис набухал, и хотелось его потрогать. Чтобы удержаться от этого, он призывал на помощь слова. Волшебные слова. Европа. Колокольни. Ватикан. Япония. Лошади. Коридоры. Голуби. Джипы. Каждое слово – словно крест, который нужно вздвигать над головой, чтобы противостоять Дракуле. Каждое слово – словно магический амулет Маленького Тима из воскресного комикса в «Дейли ньюс».

Но этим важность слов не ограничивалась. Он стал по-иному думать о словах из-за рабби Хирша. Многие слова, которые он знал, ему не пришлось учить; он их просто знал, как бейсбольные правила. Но рабби Хирш этих слов на английском не знал, и ему приходилось объяснять, произносить по буквам, отыскивать в словаре. И когда он отдавал эти слова рабби Хиршу, тот их усваивал. Когда Майкл поправлял его произношение, рабби никогда не повторял старых ошибок. Он повторял слово, записывал его в школьную тетрадку, пробовал вставлять его в предложения. Сами предложения нередко были корявыми – он путал порядок глаголов. Но со словами он обращался так, будто это драгоценные камни. Он их ласкал, теребил языком, с удовольствием произносил снова и снова, переворачивал, чтобы посмотреть на них под другим углом. Наблюдая январскими вечерами, как рабби врубается в мир слов, Майкл не мог поверить, что когда-то боялся этого человека. И ему было жаль, что никто другой, кроме него, не видит, как рабби выбивается из сил, пытаясь стать американцем.

Рабби подавал пример и ему самому. Майкл понял, что он никогда не делал с латынью то, что рабби делает с английским. Он едва понимал, что означали латинские слова, и уж точно не мог разговаривать на этом языке. Как и святые отцы из собора, впрочем. Все они говорили по-английски. Священники и алтарные служки подавали латинские реплики, будто актеры в какой-то пьесе. Святые отцы нередко читали латинские молитвы прямо из книг, а служки – по памяти, как помнят. Отец Хини и вовсе проскакивал латинские молитвы галопом, будто они были ему скучны. Майклу нравилось, как звучат латинские слова, их льющиеся гласные и резкие согласные. Но они были частью кода, который он понимал не до конца.

Вдохновившись примером рабби Хирша, он обратился к отцу Хини и взял у него перевод литургии; спустя несколько дней латинский код уже был частично взломан. Но от этого нового знания он лишь приуныл. То, что говорилось в ходе мессы, перестало казаться чем-то загадочным. *Ite, missa est*, к примеру, означало всего лишь «ступайте, месса окончена». *Deo gratias* – «благодарю Бога». Прочитав последнее, он рассмеялся: именно так он порою чувствовал себя после мессы – долгой, медленной и вялой. Благодарю Бога за то, что это закончилось, теперь я прихвачу в пекарне булочек и отправлюсь домой завтракать. Благодарю Бога.

Но внезапный интерес Майкла к латыни был не таким сильным, как его всевозрастающее желание выучить идиш. Поначалу он согласился изучать язык рабби из вежливости и воспринимал их уговор как что-то вроде ловушки. Но затем их занятия все больше становились частью приключения. Конечно же, это не путешествие в Тадж-Махал, какое описал Ричард Хэллибертон в толстых книгах из библиотеки. И не поиски тигров-людоедов в Индии, предпринятые Фрэнком Баком. Однако Майкл почувствовал, что, изучая язык, он попадает в другую страну.

Было и кое-что еще. Поскольку с латынью он сталкивался на протяжении всей своей жизни, этот язык был ему знаком. Он был словно частью округа, чем-то, что известно всем, как церковь, фабрика или полицейский участок, кинотеатры «Венера» и «Грандвью». А вот идиш был чем-то странным, тайным, особенным, из всего прихода открытым только ему. В конце концов, египетский волшебник сообщил Билли Бэтсону магическое слово не на английском и не на латыни. Это было специальное слово на специальном языке. А если Майкл

даже выучит латынь, то не сможет ни с кем разговаривать. Как язык латынь мертва. Так написано в синих книгах. К концу восьмого века от рождения Христова на латыни уже не общались, и она переросла в испанский, французский и другие языки... Но идиш был другим. Вот статья о нем, страница 3067 из «Волшебного мира знаний».

В Восточной Европе сформировался идиш – исключительно гибкий язык, на котором говорили в основном евреи. В его основе лежит средневековый немецкий с заимствованиями слов и фраз из арамейского, иврита и славянских языков, и это делает его совершенно непохожим на немецкий, на котором сегодня говорят в Германии. Несмотря на то что еврейские ученые высказываются об идише как о «вульгарном» языке, литературные достоинства его несомненны. На идише написана масса первоклассных литературных произведений; на этом языке писали многие выдающиеся авторы; кроме этого, на этом языке издаются газеты. Основными источниками литературного наследия на идише стали Россия, Польша и Соединенные Штаты.

Если бы он выучил идиш, он смог бы читать газету «Форвертц», которую иногда видел у рабби Хирша на столе, и понимать, что они говорят о *гоим* на недоступном для него языке и что они пишут о контракте Джеки Робинсона. А еще он сможет брать у рабби Хирша книги с полки, чтобы читать их дома. Он приходил в трепет от примера, который ему подал Бальзак. Тот писал свои книги на французском, который произошел от латыни, а здесь они были на идише, который произошел от немецкого, и не круто ли будет, если ирландский паренек прочтет все эти истории в книгах, невесть как попавших в Бруклин? Ведь это все равно что читать одновременно на латыни, французском, немецком и идише, переводя все в уме на английский. В публичной библиотеке были книги Бальзака, но Майкл даже не пытался их открывать. Он подождет, пока сможет прочесть их на идише, – точно так же, как в утро метели он не сразу кинулся к окну, чтобы посмотреть на снег. Но самое главное – ему нужен был тайный язык. Среди друзей и одноклассников, среди священников и лавочников, в мире, по которому шныряет Фрэнки Маккарти со своими «соколами», идиш будет понимать лишь он один.

К концу января у них уже сложилось свое расписание. По субботам они не занимались. Рабби должен был весь день проводить в храме. С утра там набиралась небольшая группа стариков, иногда они оставались на целый день, и рабби приходилось с ними беседовать. В субботнее утро Майкл появлялся в качестве *шабес-гоя*, деньги он у рабби не брал, но всегда соглашался на стакан чая. Иногда Майкл приносил рабби сахарную булочку из пекарни Эбингера, где вчерашняя выпечка продавалась всего лишь по три цента. Иногда они обменивались парой фраз о погоде. А затем прощались до вторника. Занимались они по вторникам и четвергам после школы, и у него еще оставалось время потрепаться с друзьями.

Но субботние занятия были невозможны не только из-за рабби. В один из вечеров в конце месяца недельный ритм Майкла основательно изменился. Он пришел с улицы и обнаружил, что мама выглядит счастливой, что-то насвистывая под звуки радиопередачи Эдварда Марроу.

– Есть отличные новости, – сказала она, уменьшая громкость. – Нас берут в уборщики. И у меня будет новая работа.

Говоря это, она переворачивала гамбургеры в стоявшей на плите сковородке и помещивала варившуюся в кастрюле морковь. Макэлрой с первого этажа надумали съезжать, объяснила она. Перебираются на Лонг-Айленд. И домовладелец мистер Кернес предложил ей взять на себя уборку подъезда. Она согласилась.

– Первое, что он собирается сделать, – убрать эту проклятую угольную печь и провести к нам газ, – сказала она. – Ну как?

– Не будет больше вонять тухлыми яйцами! – воскликнул Майкл.

– И нас освободят от квартплаты, – сказала она, сияя незнакомым Майклу счастьем. – Нам нужно будет убираться на лестнице раз в неделю, вовремя выносить мусорные баки и менять сгоревшие лампочки. И топить угольный котел в подвале, чтобы была горячая вода. Работа непростая, но ты мне поможешь, и мы вместе справимся.

Майкла захлестнули эмоции, названия которым он не знал. Впервые в жизни от него потребовалось выполнять мужскую работу. Он сможет помочь маме, чего он никак не мог сделать, пока она работала в больнице. А потом мама рассказала ему все остальные новости.

– С первого февраля я увольняюсь из больницы, – сказала мама, и по ее лицу было ясно, что это хорошие вести, а не дурные. – И начинаю работать кассиршей в кинотеатре «РКО» на Грандвью-авеню. Зарплата там чуть побольше, а с учетом того, что не нужно будет платить за квартиру, мы с тобой будем при деньгах. – Она широко улыбнулась. – Ну, не так чтоб уж совсем... Но тысяча девятьсот сорок седьмой будет куда лучше тысяча девятьсот сорок шестого.

На какой-то момент показалось, что она готова расплакаться, и Майклу захотелось ее обнять. Он сказал бы ей, что, по его мнению, 1946-й не был таким уж плохим. Они не голодали. Жили на зарплату, а не на пособие, как Кейны или Мораны. Он хорошо учился в школе. А в конце года он встретил рабби Хирша. Год-то был хорошим.

Но он промолчал и вдруг понял, как гордится предстоящими переменами в их жизни. В конце концов, «РКО-Грандвью» был крупным кинотеатром. В отличие от «Венеры», где из года в год шли одни и те же ленты: «Четыре пера» и «Ганга Дин», «Франкенштейн» и «Невеста Франкенштейна», сборники мультфильмов и анонсы. «Венера» была небольшой вульгарной забегаловкой, к тому же не очень чистой. В округе киношку прозвали «чесалкой», поскольку на жестких сиденьях «Венеры» можно было запросто подхватить блох.

«РКО-Грандвью», в свою очередь, больше напоминал дворец. Одно лишь фойе было больше по площади, чем их квартира, боковые стены увешаны картинами с изображением римлян: мужчины играли на флейтах, а женщины с оголенными плечами глядели на них как на героев. Некоторые из женщин напоминали Юдифь из энциклопедии или, как минимум, Хеди Ламарр. В партере было несколько сотен кресел, ряды спускались к экрану, за первыми двадцатью рядами возвышался первый ярус с ложами наподобие той, в которой актер застрелил Линкольна, а над ним был еще и балкон. Майкл понятия не имел, сколько на нем кресел. Он уходил куда-то совсем далеко во мрак, где дюжинами светлячков мерцали огоньки сигарет, а потолок казался выше крыши собора Святого Сердца.

Если уж говорить точно, то Майкл побывал там трижды. В первый раз – на свой пятый день рождения, когда мама привела его посмотреть «Волшебника страны Оз». Это было очень давно. Еще перед войной. Они вернулись домой из кино, мама напевала, приплясывая, одну из песен про то, как компания собирается в путь-дорогу, а на кухне он сидел у папы на коленях, чувствуя, как грубы его щеки, и от него пахло табаком; Майкл пытался рассказать отцу про Железного Дровосека, Трусливого Льва и Страшилу-болтуна. Папа сначала смеялся, потом вдруг посерьезнел и принялся рассказывать о том, как пес Стики плавал в Африку, чтобы набрать войско из львов и слонов – защищать Ирландию.

– Обезьяны построили корабль – больше, чем Ноев ковчег, – сказал он. – И если бы не паршивая погода, они добрались бы до английского короля и слопали его. Но было так холодно, что все львы и слоны попрыгали в воду и уплыли в свою любимую Африку, и Стики пришлось возвращаться домой в одиночку...

Отец взял его с собой в темный кинодворец еще раз, когда война уже началась, они сидели на громадном балконе, чтобы Томми Делвин мог курить, и смотрели «Они умерли в сапогах». Эррол Флинн играл солдата по имени Кастер, и кончилось все печально. Майклу до этого не приходилось видеть фильмов, где главного героя убивают. Ему хотелось плакать, но он сдержался, поскольку отец не плакал сам и поднял бы Майкла на смех, если бы тот заплакал.

По дороге домой Томми Делвин пообещал сходить с Майклом в «Грандвью», когда вернется с войны, но этого не случилось. В следующий понедельник он ушел в армию и не вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.